

Анна МАТЫШЕВА

ИСТИННЫЙ МАСТЕР ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

РАЗБИТЫЕ МАСКИ

ОНА УВИДЕЛА КОШМАР И НЕ СМОГЛА ПРОСНУТЬСЯ...
ПОТОМУ ЧТО ЭТО БЫЛ НЕ СОН

Анна Малышева
Разбитые маски

«АСТ»

2007

Малышева А. В.

Разбитые маски / А. В. Малышева — «АСТ», 2007

ISBN 978-5-17-044640-7

Ольга думала, что самое худшее в ее жизни случилось, когда без вести пропал любимый человек... Но оказалось, намного тяжелее вновь встретить его и понять, что он стал чужим. Молодую женщину окружили предательство, ложь и ненависть, враги надели дружелюбные маски, друзья повернулись к ней спиной. Ей кажется, что этот порочный круг уже не разорвать...

ISBN 978-5-17-044640-7

© Малышева А. В., 2007

© АСТ, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Анна Витальевна Малышева

Разбитые маски

Глава 1

Катастрофа затянувшегося ремонта – одна из самых нудных и неприятных, которые могут подстергать горожанина. В жизнь мирного, никаких преступлений не совершившего человека врываются наглые, уклончиво изъясняющиеся мастера, постоянно требующие денег. Рабочие, дающие хозяину квартиры понять, чтобы тот не путался под ногами. Груды закупленного материала, который никак не может пойти в дело. Залитые разъяренные соседи снизу, которые тоже сделали ремонт и даже не успели им насладиться. Недовольные шумом соседи сбоку. Кирпичная крошка, цементная пыль и загадочные, пугающие слова: «сантехфасонина», «стяжка», «затирка» и «крепеж». Мебель стоит вверх ногами, воды нет, жить негде. Грохот отбойного молотка вызывает нервную дрожь, сухой шорох шпателя – аллергию.

А уж если, ко всему прочему, добавляется раздел наследства, которое эта квартира собой представляет...

Ольга засыпала и просыпалась с ощущением случившейся беды. Отдохнуть никогда не удавалось – глаза весь день горели так, будто в них насыпали песку. С тяжелой головой она одевалась, торопливо пила безвкусный растворимый кофе и отправлялась в суд. Она ходила туда чуть не каждый день, хотя заседания по ее делу назначались раз в месяц. Но женщина не доверяла своему адвокату и постоянно стояла у него над душой, наблюдая, чтобы тот хотя бы не потерял бумаги.

Сегодня этот юный, совершенно неопытный парень наконец довел ее до белого каления. С трудом добытая справка как в воду канула. Адвокат (язык не поворачивался называть так этого растяпу) лениво покопался в папках, несколько раз заглянул в один и тот же ящик стола, со вздохом потянулся к шкафу...

И тут она не выдержала:

– Опять потеряли?!

– Найдем, – сонно ответил тот. – Ну, еще раз сходите, возьмете выписку...

– Да разве это так просто?! – вскипела она. – Имейте совесть, вам же уплачено вперед, могли бы и поработать!

Собственно говоря, платила она вовсе не этому юнцу, а его матери – та работала в том же суде. Но, как на грех, эта опытная старая адвокатша скончалась после второго же заседания суда. Оказалось, что у нее была застарелая и тщательно скрываемая от клиентов форма рака. Женщина работала до последнего. Всех осиротевших подопечных автоматически передали ее сыну, чтобы тот довел дела до конца. И он вел их – как умел. А парень не умел ничего. Это был типичный маменькин сынок, получивший место только благодаря хлопотам матери и совершенно для него негодный. Но отказаться от его услуг Ольга не могла – у нее попросту не было денег на другого адвоката.

Она часто вспоминала тот зимний день, когда налаженная жизнь рухнула, и поражалась – как мало нужно времени для того, чтобы все покатилося под откос! А ведь казалось, что счастье наконец достигнуто и ничто ему не угрожает. Покончив с нелегким разводом, любимый человек с радостью женился на ней. Ей удалось выгодно продать свою квартиру в дальнем районе Подмоскovie, и все вырученные деньги она вложила в ремонт московской квартиры, принадлежавшей мужу. Они рассчитали, что оставшихся денег им хватит даже на то, чтобы отдохнуть где-нибудь за границей. В Испании, например. Отдых был так необходим...

В тот долгий февральский вечер она как раз изучала туристические проспекты. Хотя до вожаемой поездки было далеко, Ольга не отказывала себе в таком невинном удовольствии. Тем более что ужин потихоньку готовился на плите, квартира была прибрана, телефон молчал, а Виталий еще не вернулся с работы.

В половине девятого она выключила плиту и взглянула на часы. Он задерживался, но это было обычным делом – часто случалась дополнительная работа. Под крышкой кастрюли меланхолично побулькивал остывающий борщ, в духовке подсыхали пирожки. Проспекты были прочитаны от корки до корки, у Ольги кончились сигареты, а Виталий все не возвращался.

В десять она не выдержала и позвонила мужу на работу. В трубке раздавался мелодичный, механический голос автоответчика, предлагающий оставить сообщение после гудка. Ольга оделась и вышла на улицу. Она решила, что Виталий уже в дороге, так что лучше всего будет встретить его у выхода из метро. Дорога к дому одна, так что они не разминутся. Ей не сиделось на месте – в груди накопала тревога, и успокоиться было невозможно. Слишком часто выдавались прежде такие тревожные вечера, когда она ждала и не знала – придет ли он домой? Может быть, остался ночевать в своей бывшей семье? Может быть, все кончено?

Но такой вариант был невозможен – только не сейчас! Те отношения разорваны окончательно, он не может вернуться туда после всего, что было... Она убеждала себя в этом, пританцовывая от мороза возле станции метро. Потом зашла вовнутрь, погреться. Стоя у турникетов, она следила за потоком пассажиров, выходящих с эскалатора. Поток редел, толпа распадалась на отдельные лица – усталые, веселые, старые и молодые... Но Виталия среди них не было.

Поздней ночью, сидя за чашкой остывшего кофе, она вдруг поняла – с мужем что-то случилось. Что-то ужасное – иначе почему он не смог позвонить? Она успела взбудоражить всех его друзей, когда звонила им уже после полуночи и просила сообщить что-нибудь о Вите. Толку удалось добиться только раз – один его сослуживец сообщил, что они с Виталием вместе уходили с работы. Как обычно – в восемь часов вечера. И Виталий сразу спустился в метро.

– Но ты знаешь, – сообщил тот, – у него был такой больной вид! Я ему сказал, что нужно отдохнуть – нельзя же так надрываться, дело кончится больницей! Предлагал подвезти, да он отказался...

След обрывался на той самой дальней станции метро. После этого никто Виталия не видел. Едва дождавшись пяти утра, она снова выскочила из дома и поехала на ту злополучную станцию метрополитена. Отыскала милиционера и сбивчиво поведала о случившемся.

– Я уверена, что мужу стало плохо и он упал где-то на станции или в вагоне! – в отчаянии говорила она. – Ради бога, найдите его!

Молоденький милиционер быстро выяснил, что на их станции вчера таких происшествий не было. Но если ему стало плохо, то найти человека, конечно, можно. Были у него с собой документы? Были. Тогда еще легче. Скорее всего, он в больнице. По какой ветке ехал?

Ольга минут сорок просидела в тесной, удушливо пахнущей комнатке, покрашенной ядовито-синей краской. Ей дали стул и просили подождать. Милиционер звонил по телефону, говорил по рации. Мимо провели женщину с сумками, потом избитого в кровь, с трудом державшегося на ногах парня. Тот плевал на кафельный пол розовой слюной и неразборчиво, без особого пыла матерился.

Наконец милиционер положил трубку и сообщил результаты. Ни на одной из станций, которые должен был проезжать вчера вечером Виталий, таких случаев вчера не отмечалось. Плохо никому из пассажиров не стало, в больницу людей с таким именем не доставляли. И даже не задерживали. Ольга не стала настаивать, чтобы поиски продолжались. Она видела, что этот молодой, пока еще старательный парень сделал для нее все, что мог. Женщина вернулась домой и снова села на телефон. Друзья, знакомые, родственники... С каждым звонком надежда становилась все более иллюзорной. Он мог быть только в одном месте. Там.

Невозможно! Невероятно! Если это так, тогда все на свете – ложь... И она ничего не понимает в людях, в самой себе, в человеческих отношениях...

И она набрала номер, который помнила наизусть – еще с той поры, когда они с Виталием только начинали встречаться. Тогда он сразу попросил не звонить ему домой, но эти семь цифр она помнила, как заклинание, волшебный код... Ключ к будущему счастью.

Все были дома – сперва трубку сняла дочка Виталия – пятнадцатилетняя Таня, потом подошла бывшая жена. Она сразу узнала Ольгин голос и на удивление ласково спросила, что случилось?

Запинаясь и ненавидя себя за виноватый тон, Ольга сказала, что не дождалась вчера Виталия, беспокоится и хотела бы знать... Ее оборвали – в голосе появились торжествующие нотки:

– Потеряла? Так скоро? Ну, тут я ничем помочь не могу! Ищи в другом месте, у другой бабы! А меня оставь в покое!

И, собираясь положить трубку, Ольга расслышала злорадное:

– Ты имеешь то, что заслужила! Бог все видит! Он тебя наказал!

Прошло три дня, и она подала заявление в местное отделение милиции – об исчезновении супруга. Теперь Ольга никому не звонила – напротив, все звонили ей. Знакомые осторожно соболезновали, друзья предлагали помощь, родственники (его родня) ужасались и намекали на самый худший исход дела. Ольга как будто окаменела. Женщина сама себе удивлялась – с тех пор, как пропал муж, она не проронила ни единой слезы, ни разу не впала в истерику. Больше того – ей казалось, что еще в тот, самый первый вечер, стоя в метро и следя за потоком поднимающихся пассажиров, она сразу ясно поняла, что муж пропал навсегда и больше она его не увидит.

Но, конечно, продолжала надеяться. Бог знает на что – на чудо, на счастливый поворот судьбы. В конце концов, что с ним могло случиться? У него был болезненный вид, он устал? Значит, скорее всего, попал в больницу. Но ни в одной больнице его не нашли, в моргах тоже не оказалось «клиента» с подобными документами и приметам. О чем это говорит? Документы он мог потерять (всегда носил в барсетке). Случился приступ, барсетка выпала из рук, ее кто-то украл – дело обычное. Он попал в больницу без имени, без фамилии. Его приняли, положили в стационар (в реанимацию). И лечат. Когда Виталий придет в себя, конечно, все прояснится. Ведь невозможно обойти все больницы и осмотреть всех мужчин, лежащих без памяти. Москва слишком велика.

Или другой вариант – на него напали, ограбили, ударили по голове. Об этом исходе она старалась не думать, но ведь могло случиться и такое? Он потерял сознание, возможно, и память, был доставлен в больницу... Или... Погиб?!

Доходя в своих рассуждениях до этого пункта, Ольга всякий раз запрещала себе об этом думать. Он не погиб, быть не может! Почему именно он?! За что?! Как такое могло случиться?!

Одно она знала точно – к бывшей жене Виталий не возвращался. И это странным образом ее успокаивало. Его не было, но все-таки он оставался с ней. А значит – еще не все потеряно.

Женщина старалась не замечать времени, которое прошло с момента исчезновения мужа. Занимала себя разнообразными делами, выдумывала какие-то иллюзорные цели и обязанности. Например, на свой страх и риск и за свой счет продолжала заниматься ремонтом квартиры. Она как будто делала вид, что ничего не произошло – заигрывала с судьбой, пытаясь вымолить у нее поблажку.

Рабочие приходили утром и уходили, когда она возвращалась с работы. У них были ключи от квартиры и неограниченное право в нее входить – так договорились с самого начала. Переехать молодоженам было некуда, и они решились на такой вариант – лучше немного потерпеть неудобства, пыль и чужих людей, чем платить за съемную квартиру. Пока с нею был муж

– ее ничто не страшило. Но теперь, после его исчезновения, Ольга перестала понимать, зачем занимается этими неприятными вопросами.

У нее возникло тягостное ощущение бездомности. Она так и не успела почувствовать своей квартиру, где жила совсем недавно. А теперь, когда с утра до вечера в ней толклись, шумели и командовали незнакомые, грязно одетые, бесцеремонные люди, она и вовсе растерялась. У женщины было такое чувство, что она не вправе требовать от мастера и рабочих самых простых вещей. Например, ускорения темпов работы (несмотря на авансы, те почти ничего не сделали). В самом начале ремонта, когда говорилось о перепланировке, Виталий пожелал соединить комнату с кухней, пробив в стене проем. Эту переделку ни с кем не согласовывали, хотя Ольга очень тревожилась по этому поводу – как бы стена не оказалась несущей, как бы не пожаловались на шум соседи... И вот, когда проем был сделан, обнаружилось, что кто-то из соседей все-таки нажаловался в ЖЭК. Приходили какие-то люди, осматривали переделки, грозили судом и невероятными штрафами... Все это случилось уже после исчезновения Виталия. Ольга не находила в себе сил обороняться, хотя испорченная стена была всего лишь легкой перегородкой. У нее было одно желание – чтобы все наконец покинули квартиру – и жалобщики, и рабочие, а у нее появилась возможность надеть домашний халат и лечь на диван.

Несмотря на свое одиночество, она почти не бывала одна. Как только рабочие удалялись, являлись сочувствующие. Этих она и подавно не могла выгнать. Приходили друзья и сослуживцы Виталия – как правило, с бутылкой водки. Закуску полагалось обеспечивать Ольге.

Она разогревала ужин, наспех делала какие-то бутерброды... И выслушивала бесконечные, все более задушевные истории о пропавшем муже. О нем уже говорили по принципу – «о мертвых либо хорошо, либо ничего». Называли прекрасным, редким человеком. «Какой был парень!» Иногда делались попытки взять ее за руку, намекалось на желание остаться с ночевкой. Как правило, приходили люди холостые или разведенные. Молодая женщина с трудом выпроваживала таких размякших гостей, иногда произнося резкие фразы и каждый раз чувствуя что-то вроде угрызений совести. Ведь, с одной стороны, люди пришли поддержать ее морально. С другой же... Все было чересчур понятно.

Являлись подруги по училищу и лицей, где она преподавала музыку. И тоже, как правило, незамужние или разведенные. Приходили даже те, с кем она раньше не поддерживала особых контактов. Как будто с исчезновением Виталия она автоматически вошла в их круг и уже не имела права отказаться от навязанной дружбы. Подруги жаловались на сломанную жизнь, неудавшиеся романы, скверных, грубых учеников и их заносчивых родителей... Тут в ходу была уже не водка, а недорогое вино, кислое или приторное. Закуску приносили с собой. Быстро и некрасиво напивались, доставали пудреницы, начинали утирать слезы, сочувствовали Ольге, а взамен требовали от нее жалости к себе... Женщины, в отличие от мужчин, как одна, считали, что Виталий жив и непременно вернется. Говорили, что у него могли возникнуть какие-то срочные дела (например, по работе). Он-де просто не успел известить о них молодую жену... И будто сговорившись, гости не обращали внимания на то, что с момента исчезновения Виталия прошло слишком много времени, чтобы он не мог добраться до телефона и позвонить домой...

Такие утешения имели обратный эффект. Чем дольше Ольга выслушивала советы подруг, тем яснее понимала – положение безнадежно, случилось что-то страшное и на благополучный исход надеяться глупо. Но она им не возражала. Ведь все эти нелепые утешения производились от чистого сердца...

И наконец, явилась Ирина – бывшая жена Виталия. Она пришла без предупреждения, впрочем, как всегда. В дверь позвонили, и Ольга открыла, даже не взглянув в глазок – настолько привыкла к визитерам. Но увидев, кто стоит на пороге, машинально отступила назад. Это было непроизвольное движение испуга – как-то Ирина отхлестала ее по щекам. Это случилось на глазах у многих свидетелей, в зале суда, где было наконец вынесено решение о

разводе... Ольга ни за что не явилась бы на это судилище, но Виталий так просил прийти и поддержать его морально. Женщина знала, что он боится бывшей жены, пошла и до сих пор не могла себе этого простить.

– Добила своего? – спросила гостя, переступая порог и втаскивая за собой долговязую, смущенную девочку. – Вот, Таня, посмотри на убийцу своего папы!

Без всякой паузы женщина ударила в слезы. Девочка хмуро рассматривала потрепанный, забрызганный известкой коврик. А ее мать истерично, декламационным тоном рассказывала о своей нелегкой судьбе, разрушенном семейном счастье, упомянула даже тяжелые роды, детские болезни единственного ребенка...

Ольга стояла, опершись спиной о дверной косяк, и считала про себя до десяти, потом до тридцати, до ста... Она старалась не слушать и молила Бога только об одном – чтобы та наконец поняла, как некрасиво и глупо себя ведет, и ушла. Хоть бы дочка постыдилась, ведь той стыдно, даже подросток понимает больше, чем Ирина...

А гостью все больше злило молчание хозяйки. Она повышала тон и уже начинала кричать:

– Думаешь, я не знаю, что ты с ним сделала? Все понятно, дурак не сообразит!

– Что вам понятно? – перебила Ольга. Она не могла больше молчать.

– Ты со своим любовником убила его, а труп спрятала, чтобы получить всю квартиру! Но тебе это не светит, успокойся!

Ольга, будто защищаясь, подняла руку:

– Что вы говорите?! Вы же понимаете, что это неправда, как вы можете!

Но это слабое возражение только еще больше завело Ирину. Та вылила целый поток грязи, не стесняясь в выражениях и как будто совершенно не принимая в расчет стоявшую рядом дочь. Ольге было сообщено, что та ни единой минуты не любила Виталия, а только зарилась на московскую квартиру с пропиской. Что она довела его до болезни своими требованиями денег – из-за этого он буквально убивался на работе. Что еще до брака у Ольги были любовники (в большом количестве), а теперь их стало еще больше, ведь она – завидная невеста. Но только пусть она успокоится и успокоит на этот счет своих хахалей – есть кому заступиться за ограбленного ребенка! Тут вперед была вытолкнута Таня, все еще не поднимавшая глаз и не сказавшая ни слова. Эту девочку Ольга тоже видела на бракоразводном процессе. И при той безобразной сцене с пощечинами дочь Виталия тоже присутствовала.

Ольга старалась не слушать незваную гостью, но сделать это было трудно – та говорила на повышенных тонах. Было что-то сказано о правах на наследство, о том, что после ухода папы дочка сразу стала хуже учиться, о неуплаченных алиментах...

– Но ведь его нет, кто же будет платить? – слабо возразила Ольга.

– Плати ты... – Эта элегантная, подтянутая дама с двумя высшими гуманитарными образованиями порой выражалась языком торговли семечками. – Он же не умер, нет? Значит, придет судебный исполнитель и опишет тут все, чтобы ребенок не пострадал...

И неожиданно узрев на стене покосившееся зеркало в тяжелой раме, победоносно вскинула палец:

– Это, между прочим, мы вместе покупали! И кровать, и комод тоже! Это антиквариат, если тебе известно, что это такое! Я его собирала!

Сказанное было наглой ложью: Ольга знала историю каждой вещи в этой квартире – бывшей квартире родителей Виталия. То, что гостя называла антиквариатом, было мебелью, переходящей из поколения в поколение в семье Виталия. «Но может быть, Ирина сама верит тому, что говорит? В таком-то состоянии...» И женщина махнула рукой:

– Берите все.

Это было ошибкой. Ирина, приготовившись к долгому сопротивлению, больше разозлилась, чем обрадовалась. Возможно, ее задел усталый, равнодушный тон хозяйки или то, что

скандал явно пошел на убыль, не получая свежей пищи. Она замолчала, неожиданно покраснела и, схватив дочь за плечо, развернула ее к дверям. Та повернулась как заводная и первой вышла на лестницу.

– Запомни, – обернувшись, заявила ее мать. – Нам твоих подачек не нужно! Мы имеем право на все, и мы получим все! Жди повестки!

Не прошло и двух недель, как Ольга в самом деле получила вызов в районный суд. Там ей коротко объяснили суть иска. Несовершеннолетняя дочь Владыкина Виталия Ивановича имеет право на определенную часть в принадлежащем ему имуществе и хочет эту часть получить. Она имеет на это полное право, так как завещание не было составлено и раздел будет произведен согласно закону. Интересы Тани представляет ее мать и нанятый ею адвокат.

– Но я – жена!

– Вы тоже имеете права, – успокоили Ольгу.

– Но мой муж жив! Он просто находится в розыске!

Ситуация с исчезновением Виталия здесь уже была известна. Адвокат Ирины, как выяснилось, предоставил все необходимые справки для ведения дела. И Ольге объяснили, что вернется ее супруг или нет – она обязана удовлетворить иск, так как в отсутствии мужа является его представительницей.

– Это в ваших интересах, – спокойно говорила судья. – Вы ведь проживаете в той квартире. Так лучше, чтобы поскорее все прояснилось. Девочка имеет законные права на часть имущества. Оно было получено ее отцом по наследству от родителей. Бывшая жена ни на что не претендует, но девочка имеет свою часть по закону. Ведь никакого завещания ваш супруг не составлял? Вы об этом не слышали?

Ольга не могла говорить. Она только мотнула головой.

– Значит, наследников двое – вы и девочка. Не думаю, что они будут настаивать на продаже квартиры и разделе средств. Скорее, предложат вам мировое соглашение.

– Что это?

– Самое оптимальное для вас, – теперь судья говорила почти ласково. На миг в ее тоне мелькнуло какое-то сходство с Ириной, когда той приходило на ум быть вежливой. Ольга даже вздрогнула. – Вы подпишите с истцом мировое соглашение, по которому тот за определенную плату откажется от всех притязаний на квартиру. Навсегда.

– О господи... – пробормотала Ольга. – Но почему они затеяли все это теперь, когда Вити нет... Неужели не могут подождать? И разве это законно – в его отсутствие делить имущество?!

Ее успокоили – вполне законно. Поскольку были предоставлены справки, что девочке срочно требуется дорогостоящее лечение, а средств для этого у бывшей жены Виталия нет. Судья продолжала что-то объяснять, но Ольга уже не слушала. Она чувствовала, что заблудилась в кошмарном сне – когда снится, что ты уже проснулся, но вскоре оказывается, что ты просто вынырнул в очередной кошмар, оттуда – в следующий... И когда просыпаешься на самом деле и резко садишься на постели, шея мокра от пота, а сердце бьется где-то во рту.

Ей так и не удалось до конца разобраться во всех тонкостях предъявленного иска. Он был настолько запутанным, что у Ольги голова шла кругом. Речь шла о каких-то значительных переделках в квартире, сделанных еще до развода, а стало быть, на совместные деньги супругов. Таким образом, доля Тани значительно увеличивалась. Эти переделки, были они или нет, теперь исчезли вместе с новым ремонтом. Ни оценить, ни доказать ничего было нельзя, и дело тянулось, путалось, возвращалось на круги своя...

Наступила и прошла весна, началось дождливое лето. Неопытный и нерадивый адвокат доводил Ольгу до белого каления. Мастер, руководивший затянувшимся ремонтом, куда-то бесследно пропал, забрав вперед все причитающиеся ему деньги. Рабочие, лишившись командира и зарплаты, роптали и целыми днями просиживали у Ольги, ничего не делая и явно надеясь, что она заплатит им еще раз. Но все это были мелочи по сравнению с тем, что Виталий не

возвращался и не давал о себе знать. И каждую ночь она лежала с открытыми глазами, глядя в темноту, вдыхая запах сырой штукатурки, и спрашивала себя – неужели это и впрямь конец? Она его больше не увидит? Неужели человек может исчезнуть бесследно?

* * *

На другой день она все-таки восстановила утраченную справку и передала ее своему адвокату. Судебное заседание должно было состояться в три часа. Ольга уже с двух томилась в коридоре, знакомом до отвращения и нервной дрожи. То присаживалась на деревянную, отполированную тысячами людей скамью, то вскакивала и выглядывала в окно. Оно выходило во двор, и отсюда было хорошо видно, как подъезжают машины. Вот и адвокат Ирины со своей подопечной. Выходят из новенькой «Волги» и, не торопясь, следуют к подъезду. Ирина, как всегда, выступает со зловещей грацией богомола, слегка поворачивая из стороны в сторону узенькое треугольное личико и пронзительный взгляд. Адвокат – полный симпатичный блондин лет сорока – на ходу разворачивает конфетку и отправляет ее в рот с таким безмятежным видом, будто отправляется на приятную вечеринку.

Ольга поспешила пройти в зал судебных заседаний. Незачем сталкиваться с этой парой в коридоре, там слишком мало места, а она предпочитает держаться от них подальше. Теснота обостряет агрессию, особенно у Ирины.

Ее собственный адвокат уже сидел на своем месте и откровенно скучал. В его ленивом взгляде, подернутом жирком, как вчерашний суп, ясно читалось, что исход дела ему давно ясен и он ходит сюда лишь из любезности и в память покойной матери.

– Оба явились, – шепотом сказала она парню.

Тот кивнул:

– Уже хорошо. А я думал, она опять заболит...

– А вот это как раз было бы неплохо, – тихо произнесла Ольга.

Два раза заседания откладывались из-за болезней Ирины. Настоящие это были хвори или поддельные – никто сказать не мог. Ольга знала, что у той множество нужных знакомых – от поликлиники до приемной народного депутата, и добыть любую справку ей нипочем. К тому же болела Ирина как раз в те моменты, когда ее адвокат не успевал выправить какие-то бумаги по делу о наследстве.

– Подписали бы вы мировое соглашение, и дело с концом, – все так же скучающе проговорил парень, раскрывая папку и здороваясь с судьей. – Сколько это будет тянуться? Они не торгуются, сами убедились.

– Но у меня нет денег!

– Совсем нет? – не поверил он. – Не найдете каких-то шести тысяч?

– Может, они и «какие-то», для вас это мелочь... А у меня осталось пятьдесят долларов, и на эти деньги мне придется тянуть до зарплаты!

Тот расстроился:

– Скверно. Тогда это никогда не кончится.

Она хотела ответить резкостью, заявить, что он ничего не сделал для того, чтобы все хоть как-то кончилось... Но промолчала. Ольга ненавидела себя за эту черту. Она часто говорила не то, что хотела, и часто молчала вместо того, чтобы возразить. «Все потому, что боюсь кого-то обидеть, но никто не боится обижать меня!»

Ирина с адвокатом уселись на первой скамье в соседнем ряду. Женщины не обменялись ни единым взглядом – все было сказано, все ясно. Ольга давно поняла, что та действует не из желания наживы и не затем, чтобы спасти дочь. Таня была абсолютно здорова, это стало известно через общих знакомых. Просто-напросто Ирина не в силах уйти с поля боя и оставить квартиру сопернице.

– Она просто хочет истрепать вам нервы, – сказал Ольге ее адвокат. Иногда этот меланхоличный молодой человек изрекал вполне толковые вещи. – Поэтому идите-ка лучше на мировую. Оттуда ей обратного хода не будет – хочет не хочет – отвяжется.

И в самый последний момент, когда заседание уже начиналось, в зал ворвался плотный мужчина в растянутом голубом свитере. Ольга изумленно привстала с места, увидев старинного друга семьи. Его появление было для нее чем-то невероятным – все равно, как если бы в зал заседаний вошла цирковая лошадь и станцевала вальс.

– Ты откуда? – шепнула она, быстро усаживая его рядом с собой. – Я думала, ты в Германии?

– Вернулся, – таким же страшным шепотом ответил тот, быстро обзревая зал. – Вижу, вижу, Ирка здесь. Ну что? Как у вас с ней дела? Я слышал от...

– Слушается дело... – скучным голосом заговорила судья, и Ольга одернула знакомого. Женщина ничего не успела ему сказать, но ей было приятно, что он сидит здесь, рядом, и она ощущает локтем его живое тепло.

Ибо Илья был чуть ли не единственным, кто помогал им с Виталием в трудные минуты. Когда они полюбили друг друга и Виталий ушел от жены, им первое время приходилось скитаться по чужим квартирам. Поселиться с родителями Виталия было невозможно – те встали на сторону невестки, главным образом из-за внучки. Ольга была едва с ними знакома и вовсе не хотела навязываться. Виталий унаследовал эту квартиру куда позже – вскоре после развода...

Илья пустил скитальцев сперва к себе домой, потом на дачу, где они чувствовали себя намного свободнее и были сами себе господа. На этом его благодеяния не кончились. Он помог Ольге, долгое время мыкавшейся без работы, устроиться в престижный лицей учителем музыки. Там она наконец-то вспомнила, что значит зарабатывать живые деньги. Помог сменить работу Виталию – с помощью многочисленных связей нашел ему более высокооплачиваемое место, с возможностью карьерного роста. Оба друга занимались компьютерами, только Виталий программированием, а Илья – продажей. Он обожал что-то устраивать, комбинировать, изобретать, ненавидел покой и застой в делах, «особенно в чужих», как посмеивалась Ольга. Илья помогал им с таким воодушевлением, что даже вел неприятные переговоры с Ириной. Убеждал ее согласиться на развод и признать печальную очевидность – муж к ней не вернется никогда.

– Она орала? Сильно? – спрашивал Виталий друга, когда тот приезжал к себе на дачу на выходные.

– Почему орала? Нормально говорила, – отвечал тот, отмывая руки под колонкой возле дома. Ольга стояла наготове с полотенцем. Она замечала:

– Илья, она просто тебя боится. Вежлива только с теми, кого опасается. Подлая натура...

– А что меня бояться? – Он поднимал мокрую голову и вслепую нашаривал протянутое полотенце. – Я с ней исключительно вежлив. Самому противно, до чего любезен...

Илья никак не мог забыть прискорбного эпизода, случившегося много лет назад здесь, у него на даче. К нему в гости приехал Виталий с женой и маленькой дочкой. Виталий привез в рюкзаке бутылку водки, вина, какие-то закуски. Едва гости поздоровались, как Ирине вздумалось зайти к соседке – женщины были знакомы. А когда она вернулась и увидела накрытый стол, а также мужиков, которые порезали неровными кружками колбасу и уже выпивали по первой...

Худого слова не говоря, женщина рванула клеенку за свисавший угол, и все угощение оказалось на полу. Водка выливалась из открытой бутылки, булькая и задыхаясь, – и это был единственный звук в наступившей тишине. Мужчина ошеломленно встал, Илья отряхивал брюки, не сводя глаз с Ирины. Оба молчали – так дика и неожиданна была эта выходка.

– Едем домой, – отдала команду Ирина. И это после того, как все утро собирала сумку, три часа убила на дорогу в метро и душной электричке, долго пробиралась к дачному поселку

через комариный лес... Когда Виталий, не выдержав, высказал все, что о ней думает, женщина подхватила дочь и уехала с ней вдвоем.

Вот тогда-то Илья, оглядев следы побоища, заметил, будто про себя:

– Нет, ты с ней не выживешь... Но и спокойно уйти она тебе не даст. На ком ты женился, Витька?

Вопрос был риторический, ибо Илье не хуже любого другого было известно, на ком женился его друг. Ведь он был свидетелем на его свадьбе. А Ирина в ту пору была очаровательной, хрупкой невестой в облаке искусственных кружев и настоящей невинности. Тогда она еще ничем не напоминала хищное насекомое с застывшим взглядом. Симпатичная девушка из хорошей семьи, с приличным приданым, первым курсом филфака за плечами и без единого романа в прошлом. Все считали, что Виталию повезло. Да он и сам так думал. У его невесты, казалось, вовсе не было недостатков.

Кроме, пожалуй, одного. Виталий называл это идеализмом и надеялся, что со временем жена все-таки избавится от неприятной привычки все делить на черное и белое. Стоило горячо любимой Ириной подруге невинно солгать по телефону, как Ирина тут же обзывала ее лицемеркой. Лишняя рюмка, выпитая засидевшимся гостем, превращала его в хронического алкоголика. Мать Виталия, мягко заметившая, что борщ, пожалуй, густоват, становилась приставучей грубиянкой и со временем вообще нежелательным лицом в доме. Начиналось всегда с таких мелочей, что Виталий диву давался, как жена их разглядела, а превращалось... Черт знает во что.

Через несколько лет он обнаружил, что у него вовсе не осталось друзей. В самом деле, кто же будет ходить к нему в гости, чтобы обрезать о презрительную улыбку молодой жены? И к кому мог ходить он сам, если Ирина устраивала сцены за десятиминутные опоздания с работы? Отпустить куда-то Виталия одного? Ни за что. Пойти с ним? К этим дуракам, алкоголикам, пошлякам, занудам?!. Список был бесконечен.

Однажды Виталий не выдержал. Он заметил, что если все люди так плохи, то не лучше ли им с женой сразу покончить жизнь самоубийством, заодно прихватив на тот свет маленькую дочь? Ну, просто чтобы не мучиться напрасно...

Ирина окаменела и потом, запинаясь, прошептала:

– Ты хочешь меня... Нас убить?

И в этот миг, глядя в ее расширенные, потемневшие от гнева глаза, он понял – его жена ненормальна. Догадка обожгла его, как пощечина. Вспомнились все ее странные выходки, пустая подозрительность, мелочные придирки и бесконечные преувеличения. За день жена превращала рой мух в целое стадо слонов. Это не мешало ей быть хорошей матерью, верной супругой, замечательной хозяйкой и преуспевающей аспиранткой... И все-таки она была безумна.

Илья прислушивался к чтению дела. Потом заговорил адвокат Ирины. Та несколько раз поворачивалась в их сторону и оглядывала Илью напряженным, обеспокоенным взглядом.

– Теперь она знает, что мы общаемся... – прошептала Ольга.

– Ну и что?

– Мне уже ничего... Хуже, чем есть, не будет. А вот тебе она может сделать гадость... Позвонить, наговорить такого...

Он пожал ей руку под прикрытием спинки скамьи:

– Знаешь, не тот у меня возраст, чтобы бояться сумасшедших баб. Пусть попробует.

– Тебе хорошо, ты смелый... А меня она довела. Скоро сама сойду с ума.

Но тут ее внимание отвлек адвокат, на этот раз собственный. Он встал и заявил, что его клиентка от заключения мирового соглашения отказывается.

– По причине отсутствия денег, – добавил он таким ироничным тоном, будто в этом было нечто смешное.

Илья насторожился:

– Пойдите, молодой человек? Какое еще мировое соглашение? Сколько?

Ольга одернула его:

– Сиди же! Ты ничего не понимаешь в деле!

Но Илья, даже не разобравшись, в чем дело, сразу начал действовать. Он попросил у судьи пять минут перерыва – «возникли новые обстоятельства!», удалился в коридор с адвокатом, а через положенное время они вернулись – парень с растерянной улыбкой, Илья – очень серьезный и вместе с тем довольный. Ольга замерла.

– Мы заплатим, – объявил адвокат. – Документы давно готовы, а деньги будут через час. Только заедем в банк.

Ирина медленно встала. Ее адвокат – полный блондин – пытался усадить подопечную на место, явно опасаясь, как бы та не наделала глупостей. С ее характером он уже успел познакомиться – это было понятно по его осторожным движениям и умоляющему тону.

– Сядьте на место, – уговаривал он. – Сядьте, подождем. Ирина, прошу вас.

Но та уже пошла к выходу, медленно расстегивая пуговицы на своем корректном сером пиджаке. Казалось, женщина готовится к драке. Илья вежливо посторонился, пропуская в дверях старую знакомую:

– Прелестно выглядишь и как загорела! На море была? Как дочка?

Она вышла, не удостоив его ответом. В зале зашумели, стали подниматься с мест. Адвокат Ольги вел переговоры с помощником судьи. Полный блондин курил, высунувшись в окно, громко нахваливая коллегам чудесную погоду и с увлечением рассказывая о своей даче.

Ольга тоже встала. Все кончилось так неожиданно, что она не успела ничего осознать. К ней подошел Илья:

– Пойдем, съездим в банк, по дороге чего-нибудь перекусим. Ты же вся зеленая, матушка! Так нельзя. Брала бы пример с Ирины – вот кто в боевой форме!

Глава 2

– Мне все кажется, что я спала, видела кошмары, а теперь проснулась, – говорила Ольга, наскоро накрывая на стол. Из угощения в доме нашлась только маринованная селедка, горчица и огурцы. Да еще пряники, изрядно подсохшие и напоминающие камни. Однако гость был доволен. Несмотря на свою солидную комплекцию, Илья вообще ел мало и неохотно.

– Было из-за чего огород городить, – заметил он, наливая себе водки. – Ирки испугалась, трусиха! Будешь?

Ольга сперва отказалась, но потом поставила на стол вторую рюмку. Алкоголя она не выносила, но сегодня был такой странный, совершенно особый день... Они выпили, и она взглянула на гостя увлажнившимися глазами:

– Ты меня спас, понимаешь? Просто спас.

– Скажешь тоже, – проворчал он. – Лучше скажи, отчего у вас так далеко зашло? Ты хотя бы понимаешь, что Ирка не имеет никаких прав на эту квартиру?

– Понимаю. Но она так настаивала...

Он вспылил:

– Мало ли кто на чем настаивает! На тебя подали в суд, а ты уж сразу считаешь себя виноватой! Небось поверила в сказки о дочкиной болезни?

Ольга покачала головой.

– Вовсе нет. Я узнала, что та здорова. Но если Ирка говорит, что дочь больна и приносит кучу справок – что тут сделаешь?

– Ну вот, – продолжал горячиться Илья. – Она только на это и рассчитывала. Дочка у нее больна, скажите на милость! Пожалейте ее! Знает, стерва, что главное – хороший адвокат! Заплатила ему за это безобразие около тысячи баксов, а с тебя получила шесть! Каков баланс?

Женщина покачала головой:

– Илюша, мне все равно. Только бы никогда ее не видеть, не слышать...

– И не обидно?

– Мне обидно только за тебя. – Она поставила на стол пряники, принесла с плиты чайник. – Ты так щедро выкинул деньги на ветер... Мне бы никогда такой суммы не набрать. Сам ведь знаешь мои обстоятельства.

– Обстоятельства у тебя тесные, – согласился он, прикусывая жесткий пряник белыми неровными зубами. Они выглядели так неестественно, что казались вставными. Но Ольга знала – зубы настоящие. В сущности, она знала об Илье почти все. Пять лет назад развелся. Бездетен. Очень хорошо зарабатывает, но точной суммы его доходов никто не знает. Живет с постоянной подругой, на которой вовсе не собирается жениться. Широкая натура, голубые глаза, высшее техническое образование. Прекрасный специалист в своей области – торговле компьютерами. Больше всего любит лежать в гамаке на своем дачном участке, но ему это редко удается осуществить.

– Ирина, конечно, не подарок, – продолжал он рассуждать, прихлебывая чай. – Чтобы с ней общаться, нужно быть такой же стервой. А ты, уж прости, не стерва.

– Спасибо, – грустно ответила Ольга. – Хоть это утешение.

– Может, легче быть стервой, – философски заметил Илья. – Смотри, как просто ей достаются деньги. Я, как посторонний, могу тебе сказать – ее иск гроша выеденного не стоил. Она его подала, просто чтобы тебе отомстить, потрепать нервы. А в результате получила кругленькую сумму... Короче, внакладе не осталась.

– Если бы не ты... – пробормотала Ольга, почти не слушавшая собеседника.

– Что – если бы не я?

Она махнула рукой:

– Тогда мне прямая дорога в сумасшедший дом. Ты не представляешь, что здесь творится.

Илья отставил чашку:

– Черт с ней, с Ирккой, и этих денег мне не жалко...

– Я расплачусь...

– Не говори глупостей. Что с Витькой? Я все жду, когда ты сама расскажешь.

И она рассказала ему все. Начала даже раньше исчезновения мужа – с самого Нового года, с медового месяца – они поженились в декабре. Женщина изливала душу, и впервые ей становилось легче от того, что кто-то внимательно слушает ее жалобы. Она поведала, как они с мужем строили планы новой, прекрасной жизни, напомнила, как затеяли этот проклятый ремонт, как ей удалось выгодно продать свою квартиру в провинции... Описала тот несчастный февральский вечер – как она не ждала ничего дурного, как пыталась отыскать мужа в метро, что сказал его сослуживец, чем все кончилось...

Илья слушал, не перебивая, и его глаза приобретали какое-то странное выражение. Как будто ему лгали, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы перебить собеседника и уличить его во лжи.

Наконец Ольга замолчала. Она подлила свежего чаю и вопросительно взглянула на гостя:

– Что ты об этом думаешь?

Он тяжело молчал. Ольга встревожилась:

– Ты тоже считаешь, что Витя погиб?

– А кто еще так считает?

– По-моему, все. Прямо мне не говорят, но судя по глазам... Да и ты смотришь на меня так странно.

– История дикая. А сама-то ты как полагаешь? – спросил он после короткой паузы. – Его нет уже пятый месяц. И ни единой весточки?

Она качнула головой.

– Вы же совсем недавно поженились, – продолжал Илья с беспощадной откровенностью близкого друга. – Если бы он таким образом сбежал от Ирки – тогда я понимаю. Но от тебя...

Ольга не выдержала – уже некоторое время что-то ее душило, она чувствовала, что подступают слезы.

– Да не сбежал он, не сбежал! – выкрикнула она. – Я не его бывшая жена, я бы поняла, если бы он просто захотел уйти. Сказал бы – все кончено, и я бы не сопротивлялась! И если он так странно исчез, значит, с ним что-то случилось... Но в смерть я не верю.

– Не хочешь верить, – поправил Илья.

Ольга отмолчалась. На самом деле мысли о смерти мужа посещали ее все чаще. Да и какое еще объяснение можно было подобрать? Даже из тюрьмы, из неволи, из рук похитителей люди дают о себе знать. Но такое глухое молчание... Что оно значит, если не смерть?

Она почувствовала прикосновение его руки – Илья, перегнувшись через стол, ободряюще сжал ее пальцы:

– Ну что ж, и правильно, что не веришь. Только ты не жди его каждую минуту, не убивайся. Попробуй забыть... Так и с ума сойдешь.

– Да я уж и схожу, – призналась Ольга, отмечая про себя, что тот не собирается убирать руку. Сделав легкое движение, она осторожно высвободилась. Встала, отошла к холодильнику, заглянула туда. Так и есть – на стол больше подавать нечего. Хозяйством она не занималась уже давно, готовить перестала с того самого дня, как исчез муж. Для кого стараться – не для себя же самой? Заготовки, сделанные специально для гостей, съели под водку рабочие. Они воспринимали содержимое холодильника как свою собственность, а Ольга не смела возражать. А как бы сейчас пригодилось какое-нибудь мясо! Она бы занялась готовкой и хоть как-то отвлеклась от тяжелых мыслей. И от внимания Ильи. Да, особенно от этого.

Потому что она давно ощущала на себе его долгие, загадочные взгляды. Еще с той поры, как впервые с ним познакомилась. Тогда Виталий никому не представлял ее своей невестой, но подразумевалось, что отношения сложились серьезные, а сообразительный Илья, очень мудрый в житейских вопросах, сразу это уловил. Он никогда не пытался за ней ухаживать, но Ольга замечала его чисто мужской, явный интерес, видела, что он охотно оказывает ей разные услуги, выслушивает самые пустые речи и самое главное – часто старается к ней прикоснуться. Совершенно невинно – взять за руку, тронуть плечо во время убедительного спора, сесть рядом – так, чтобы их бедра случайно соприкоснулись. Это и смущало, и льстило – все-таки ни одной женщине не может быть противно внимание привлекательного мужчины. Даже Виталий заметил особое отношение своего приятеля к невесте и как-то сказал ей:

– По сути дела, вы подходите друг другу больше. Он к тому же давно разведен, а у меня такие кандалы...

Тогда она грустно улыбнулась и попросила не говорить глупостей. Вплоть до самой свадьбы (где опять-таки свидетелем был Илья) ничего не менялось. Друг семьи приходил в гости, оказывал услуги, давал советы, а в трудные минуты одалживал деньги. Это ему была обязана своими заработками молодая пара. Виталий называл его «отец-благодетель», хотя мужчины были ровесниками. Илья посмеивался и говорил, что они ему в самом деле напоминают детей.

– Вас бросишь, вы и пропадете, – заявлял он, допоздна засиживаясь в гостях. – Ирка точит зубы, чтобы вас съесть, только случая все не представляется.

Вскоре после свадьбы Илья попросил позволения приехать в гости с подругой. Он действительно привез очень эффектную, полную брюнетку в дорогом красном костюме. Та сочно рассказывала анекдоты, иногда весьма рискованные, лихо пила водку, а надушена была так крепко, что каждый раз, проходя мимо нее, Ольга задерживала дыхание.

Когда гости ушли, у хозяйки резко испортилось настроение. Она сама не понимала, отчего – ведь угощение удалось на славу, было весело, она вовсе не устала. «Вульгарная тетка, – думала Ольга, застилая на ночь постель. – Никогда бы не подумала, что Илье по вкусу такие...»

Сама она была хрупкой, subtilной блондинкой, и несмотря на свои тридцать четыре года, выглядела совсем девочкой. Почти не пила, совсем не душилась, не любила красный цвет и, как ни старалась, не могла запомнить и рассказать ни одного анекдота. В ту ночь она долго ворочалась, не могла уснуть, с гневом прогнала подвыпившего мужа, пытавшегося изъяснить свои нежные чувства... А проснувшись утром, неожиданно засмеялась, глядя в потрескавшийся потолок.

– Это просто ревность – глупая и пошлая, – сказала она вслух, но негромко – так, чтобы не слышал муж в ванной комнате. Он уже собирался на работу. – У нас так мало друзей, что я ревную их бог знает к кому. Ну до чего же глупо! Пусть живет с кем хочет!

Тогда этим и кончилось. Ольга посмеялась над своей чрезмерной чувствительностью и целиком отдалась насущным заботам. Молодая семья как раз затевала ремонт – квартира того требовала, а средства позволяли. Рабочих нашел Илья – стоило при нем заикнуться о какой-то проблеме, как у него моментально находилось решение.

– Эти ребята все сделают дешево и быстро, – пообещал он. – Только не особенно церемоньтесь с мастером. Он мужик толковый, когда касается технологии, но вкус у него отсутствует начисто. Впрочем, нельзя же получить все сразу!

И рабочие споро принялись за дело. В первые дни ими было сделано больше, чем за все последующие месяцы. Возможно, если бы Илья и дальше контролировал ход ремонта, он был бы давно закончен. Но вскоре после новогодних праздников тот уехал в Германию, работать в смежной торговой фирме. И все-таки, пока муж был рядом, Ольгу ничто не угнетало. Но когда он исчез...

А сейчас Илья критически обзирал оштукатуренные стены, коробки с плиткой в углу и недовольно хмурился.

– Что они копаются? – спросил он. – Какого черта? Почему ты их не поторопишь?

– Да как?

– Мы же внесли в договор пункт насчет срока сдачи работ, – напомнил он. – При мне и подписывали. Когда они должны были все закончить?

Ольга призналась, что месяц назад. Но в ту пору ей даже в голову не пришло ругать мастера.

– И вообще... Я этого не умею.

– Займусь, – пообещал Илья. – Дай-ка еще чаю, я сегодня устал... И пряники давай, там еще осталось? Поверишь ли – в Германии их ни за какие деньги не достать!

– Простых пряников?

– Вот именно. Печенье – какое душе угодно, а пряника даже не спрашивай. Вот буду возвращаться – куплю килограммов пять, возьму с собой.

Женщина испуганно переспросила:

– Возвращаться? Так ты ненадолго?

– Недели на две, – ответил тот, улыбаясь ее испугу. – Ну, да ты не переживай. За это время мы твои проблемы решим. Я завтра же позвоню мастеру и сделаю ему нагоняй. Видит, гад, что перед ним одинокая женщина, и пользуется этим.

Ольга отмахнулась. Она так привыкла жить среди разрухи и неуют, что ей уже не верилось, что когда-нибудь все переменится к лучшему.

– Бог с ним, с ремонтом, – прошептала она. – Меня не это волнует.

– А вот про Витю давай не будем, – мужчина встал и легонько тряхнул ее за плечи. Руки у него были жесткие и горячие – она чувствовала это даже сквозь платье. – Тут ничего не поделаешь, думать об этом – только нервы мотать. От Ирки ты избавилась, жизнь понемногу наладится. Ты молодая, красивая...

Говоря все это, он не отпускал ее плеч. Ольга едва различала слова – она думала совсем о другом. «Как же так? Теперь я вижу, что он ко мне равнодушен. Раньше он себе такого не позволял. Не отпускает... Может, прямо ему сказать, что я не хочу ничего подобного... Он поймет, не обидится...» Но что-то мешало ей произнести решительное слово, освободиться от этих горячих рук. Она слишком долго была одна, слишком измучилась, отчаялась. Ей как никогда нужна была ласка, чье-то слово, чья-то рука...

Ольга подняла глаза – ей приходилось смотреть на Илью снизу вверх – он был намного выше.

– Так сделать чаю? – Только это и пришло ей в голову.

Он опустил руки. Женщина заметила на его лице тень улыбки – как будто Илья прекрасно понимал ее смущение и слегка посмеивался.

– Кстати, я хотел попросить тебя об одном одолжении, – небрежно заметил он. – Если нельзя – так сразу и скажи, договорились? Ненавижу быть обузой.

– Да все что хочешь! – обрадовалась она. – После того, что ты сегодня для меня сделал!

– Можно пожить у тебя? А то, понимаешь, квартиру я сдал друзьям, а у них дети, недавно второй родился. Как я туда вопрюсь, спрашивается? Они и не знают, что я приехал.

Женщина растерялась. В первый миг она почувствовала радость – наконец-то будет не одна, а Илья поможет, защитит... Но тут же смутилась. Если он будет жить здесь две недели... В один из вечеров, в одну из ночей неизбежно случится то, о чем так ясно сейчас говорили его ясные голубые глаза. И никакая мужская дружба тут не помеха.

– Значит, нельзя? – истолковал он ее молчание.

– Что ты, конечно, живи... – Она обвела рукой голые стены. – Только тут грязно, неудобно... И воды горячей сейчас нет.

Илья заявил, что это пустяки, он не избалован. А грязи скоро вообще не будет. Он берет весь ремонт на себя и клянется, что все кончится еще до его возвращения в Германию. Ольга

хотела благодарить, но как-то замялась. Пыталась радоваться, но вместо этого ощущала тревогу. «Да что со мной? – упрекала она себя, заваривая свежий чай. – Он такой милый, душевный человек, прямо как родной... Помогает щедро, а сам если что и просит, так обычно сущие пустяки. И не будет он ко мне лезть, если стану держаться твердо. Все поймет и отступится. И вообще, я не в его вкусе, ему нравятся толстые...»

А Илья, явно обрадовавшись, рассказывал теперь о своей работе в Германии, об успехах, сделанных за время командировки, о планах на будущее.

– Возьму вот и отремонтирую свою дачку, – мечтал он. – Все руки не доходили, но уж теперь точно соберусь. И будет там рай, ей-богу! Место того стоит. Верно?

Она согласилась, как соглашалась со всем, что он ей говорил. Но тут ее поразила внезапная мысль – она все время крутилась где-то рядом, не давала ей покоя с того момента, как Илья появился в суде.

– Послушай, а от кого ты узнал, что сегодня слушают мое дело? Как меня нашел?

Он засмеялся:

– Представь, это было первое, что я узнал, попав в Москву. Не видела заголовки в газетах? Везде на первой странице – твой портрет.

– Да будет тебе!

– Ну ладно, знакомые по телефону рассказали, – вздохнул он. – Я забросил вещи к Костику, сразу из аэропорта туда поехал. Домой как-то не тянуло, я сразу решил, что не буду травмировать людей, сваливаться им на голову.

– А Костик откуда знает? – удивилась она. Речь шла о старом приятеле мужа – единственном, кто ни разу не явился к ней с визитом соболезнования после того, как Виталий пропал. Это ее удивляло, но не слишком. Мало ли какие у человека дела...

– А Костик слышал что-то, да толком ничего рассказать не мог. Только какие-то ужасы – что Вити нет с февраля, что на тебя подали в суд, вот-вот на улицу выкинут. Я, конечно, сразу перезвонил кому смог. И не помню уж кто мне сказал, что как раз сегодня у тебя назначено очередное заседание по делу. Ну скажи – мог я в такой ситуации сидеть у Костика и распивать пиво? Сразу поехал к тебе. Успел, слава богу.

И вдруг коротко, с аппетитом хохотнул, будто увидел что-то вкусное:

– Не могу забыть Иркиного лица! Как она на меня смотрела – будто на привидение!

– Уверю тебя, она решила, что все было подстроено, – заметила Ольга. – Как, должно быть, сейчас злится!

– Еще бы! Она женщина со средствами, и ясно, не из-за шести тысяч в тебя вцепилась. Получила совсем не то, что хотела. Ей запугать тебя хотелось, крови попить... Унизить, оскорбить, посмотреть на твои слезы. Сознайся – плакала ты перед ней?

Ольга с гордостью отвергла это обвинение. Когда Ирина оскорбляла ее, женщину била дрожь, она едва держалась на ногах, но глаза оставались сухими.

– И потом, чего ради мне плакать? – добавила она. – Ирина постоянно твердит, что я сломала ей жизнь, отняла отца у ребенка, разрушила прекрасную семью. Может, она и верит тому, что говорит, но ведь это ложь! Все рухнуло давным-давно, Витя рассказывал о ней ужасные вещи! И если бы не появилась я – появилась бы другая. А кончилось бы все равно разводом. Счастливые семьи так просто не распадаются. Я права или нет?

Он слегка пожал плечами:

– Ты, конечно, очень хорошо говоришь, умно... Но бывает и по-другому. Распадаются и счастливые семьи, и очень даже просто. Из-за пустяков.

– Например? – разгорячилась она. – Тебе лишь бы поставить на своем!

– Пример? – Он даже как будто лениво поднял брови. – Пример тому – мой собственный развод. Если ты помнишь, я тоже был женат... Хотя ты не помнишь. Мы тогда не были знакомы.

Ольга не смогла возразить. В самом деле, она почти забыла, что друг семьи тоже когда-то был женат. Илья был таким типичным, жизнерадостным холостяком, часто меняющим веселых нетребовательных подруг! Ей казалось, что он живет для этих подруг и для своих друзей, наслаждаясь свободой... И представить его в роли женатого человека она не могла.

– Извини, – смутилась Ольга.

– Не извиняйся. Я только хочу сказать, что идеальные браки распадаются с такой же скоростью, как скверные. У меня, например, все вышло из-за сущей ерунды. Ниночка приревновала меня к одной особе... Была права, конечно, нет дыма без огня. Но для нее это было таким потрясением! Представь, прожили вместе столько лет, все было чудесно. Любовь, доверие, уважение, общие интересы и так далее. Детей, правда, не было, и она из-за этого страдала, лечилась, стала нервной. Но я ее за бездетность никогда не упрекал. Смирился, да и не очень я хотел детей...

Ольга недоверчиво на него покосилась. Ей не верилось, что кто-то может всерьез не хотеть иметь ребенка. Но Илья настаивал на своем:

– Это и есть счастливый брак, понимаешь? Двое – и этого достаточно, никто уже не нужен. Но тут впуталась эта баба... Сейчас даже лица ее вспомнить не могу, имя забыл. А Ниночка устроила трагедию. И с тех пор как ни вернусь домой – она сидит заплаканная. Сперва молчит, потом начинает выматывать душу, просить подробностей... Самоистязанием занималась, нашла себе новое развлечение! Я с той бабенкой давно расстался, но для нее это все было как в первый день, когда она обнаружила... – Илья достал сигареты и раздраженно бросил их на стол: – И так все это глупо, нелепо, бездарно... Для меня было пыткой возвращаться домой. Как-то не вынес, напился у приятеля, остался переночевать. В самом деле, у приятеля! – убедительно повторил он. – На другой день возвращаюсь – ушла. И не так, знаешь, ушла, чтобы меня наказать... Ну там, на пару дней, на недельку. Ушла совсем. Ни записки, ни объяснений. Подала на развод, ничего не слушала, не просила. Когда в последний раз увиделись, сказала, что видеть меня не может. Какое-то безумие...

Он закурил. Ольга тоже взяла сигарету и села рядом. Ей хотелось сказать что-нибудь теплое, утешить – она никогда не видела у Ильи такого страдающего, искаженного лица. Но он на нее не смотрел.

– Я, знаешь, с тех пор много думал – почему у нас все так быстро развалилось? И вот до чего додумался – виноват был именно наш счастливый брак. Живи мы с ней плохо – вся эта история кончилась бы ничем. Потому что к несчастьям привыкаешь, ну и все кажется не таким страшным. А тут – гром среди ясного неба. Как будто я ее незаслуженно обидел, за что-то наказал...

– Понимаю, – тихо ответила Ольга. – У меня было то же самое ощущение, когда исчез Витя. Все было прекрасно, впервые жизнь наладилась. И вдруг – конец. Как будто неправильно переплели книгу, знаешь? Читаешь интересный роман о любви, переворачиваешь страницу, а там – глядь! – криминальная история. Попали страницы из другой книги, и всему удовольствию конец.

Они засиделись на кухне допоздна. Когда Ольга стелила гостю постель, глаза горели от усталости. Она уступила Илье почти отделанную комнату с лучшей кроватью, а сама устроилась на диванчике, в столовой. Илья не протестовал – он поблагодарил хозяйку, посетовал, что невозможно принять душ и закрыл за собой дверь.

В квартире погас свет. Ольга лежала с закрытыми глазами, настороженно прислушиваясь. Она ждала – ждала того, чего боялась, о чем все время думала. Сейчас он выйдет, шепотом окликнет ее. Если она отзовется... Он присядет рядом. А если промолчать? Возможно, он уйдет.

Она ждала до тех пор, пока не осознала, что уже некоторое время слышит ровный, басовитый храп за закрытой дверью. Ольга приподнялась на локте, удивленно прислушиваясь...

И вдруг заулыбалась. «Ну какая же я дура! – подумала она, с наслаждением вытягиваясь на постели и снова закрывая глаза. – Можно подумать, что он без ума от моей небесной красоты! Мы только друзья, и слава богу! И это хорошо, это замечательно».

* * *

По случаю каникул занятий в лицее не было. Ольга перебивалась в летнее время частными уроками. На следующий день ей нужно было идти на урок в два часа, и она позволила себе выспаться – глубоко и сладко, как не спала уже давно.

Женщина открыла глаза только в полдень и вполнощенно потянула к себе будильник. Вскочила, накинула халат и, заглянув в соседнюю комнату, обнаружила, что Илья ушел. Его постель была аккуратно прибрана. На одеяле – записка. Ольга взяла ее и прочитала: «Буду поздно, увидимся за ужином. Я взял вторые ключи от квартиры, извини!»

«Третьи, – машинально отметила про себя Ольга. – Вторые исчезли вместе с Витей». Она сварила себе кофе, прибралась на кухне, выглянула в окно. Двор палило полуденное солнце, в тени деревьев прятались бродячие собаки, ошалевшие от жары дети оглашали двор пронзительными голосами и звонками велосипедов. Это был тихий, уютный двор, один из тех, где «чужие не ходят». Ольга прожила здесь совсем недолго и тем не менее многих соседей узнавала в лицо. С нею часто здоровались. Оглядывая сейчас этот летний, залитый жарким солнцем двор, она вдруг ясно поняла, что мужа ждать не стоит. Ей вспомнился ледяной темный вечер, когда она вот так же стояла у окна и старалась что-то разглядеть в темноте. Это было так давно... Слишком давно, чтобы еще чего-то ждать.

И как ни странно, женщина почувствовала нечто вроде облегчения. Это ее напугало. «Неужели нескольких месяцев достаточно, чтобы забыть человека? Разве я забыла? Нет, я помню, жду, верю, что он вернется! Но если он жив – почему не дает о себе знать? Потерял память?»

Она взглянула на часы – время поджигает, пора бежать. Наскоро оделась. Первое время, отправляясь на уроки, она старалась одеться как можно лучше, богаче. Ведь родители ее учеников были отнюдь не бедными людьми – их дети посещали одну из самых дорогих московских школ. Ольга долго не могла привыкнуть к тому, что девочка лет одиннадцати носит в классе тысячедолларовые тряпки и щеголяет настоящими бриллиантами. А у мальчика – собственная машина. Правда, за рулем пока шофер. Зато тоже собственный.

Таких богачей в школе было не так уж много, но остальные дети изо всех сил за ними тянулись. А учителя... Те впадали в крайности. Кто-то, стремясь подчеркнуть свое превосходство, пускал детям пыль в глаза и ходил на уроки в драгоценностях. Кто-то, как Ольга, ходил в обычной одежде и дешевых сережках. Первое время она чувствовала себя Золушкой, но потом заставила себя уважать. Прежде всего, тем, что не обращала внимания на ехидные взгляды и насмешки. А потом...

Как-то на ее уроке одну из лучших учениц, но не одну из самых богатых, вслух высмеяли за дешевые джинсы. Ольга не выдержала и горячо произнесла речь. Она говорила о том, что каждый человек одевается не только как может, но и как хочет. Что настоящие миллионеры, если они к тому же люди культурные, давно отучились пускать пыль в глаза. Это к лицу только звездам шоу-бизнеса и бандитам.

– А тут, в классе, я не вижу ни тех ни других, – отрезала она. – И между прочим, самый богатый человек в мире, Билл Гейтс, ходит в обычных джинсах. Не думаю, что от какого-то кутюрье.

Такого выступления на тему культуры в одежде от Ольги не ожидали. Класс не знал, как реагировать. Но в конце концов отношение к ней заметно изменилось. Теперь и в школу, и на

частные уроки она чаще всего одевалась нарочито просто. Специально, чтобы показать, что за пышностью не гонится.

Она вышла из подъезда, улыбнулась солнцу и тут же окаменела. Внизу, под широким козырьком, ее ждала Ирина. Одета она была в черное, как вдова, несмотря на дикую жару. На этот раз женщина явилась без Тани и адвоката, которые везде сопровождали ее в последнее время.

– Нужно поговорить, – отрывисто, но тихо произнесла она.

Ольга наконец опомнилась. Не отвечая, она сошла с крыльца и пересекла двор. Шла с напряженной спиной, скорее чувствуя, чем слыша сзади Ирину. Наконец та поравнялась с ней и пошла рядом.

– Ты меня слышала? – повторила она, по-прежнему не повышая голоса. – Обязательно нужно поговорить.

– У меня нет времени, – сквозь зубы ответила Ольга. Она надеялась, что та не будет ее преследовать после суда, и что же? На другой же день Ирина тут как тут! В квартиру, правда, на этот раз не поднялась, выполняет статью мирового соглашения... Дежурила у подъезда.

– У меня тоже нет времени, – возмутилась Ирина. – Я сюда не для удовольствия пришла. У меня важный разговор. О Виталии.

Ольга замедлила шаг. Недоверчиво взглянула на спутницу.

– А именно?

– В двух словах не объяснишь. И не на улице, конечно. – Ирина была на удивление вежлива. Они общались уже несколько минут, но до сих пор не прозвучало ни единого ругательства. Это был своеобразный рекорд.

– У меня урок...

– Присядем в кафе, – теперь та была просто любезна. – Вот здесь, на ветерке.

Никакого ветерка в помине не было, кафе представляло собой синюю клеенчатую палатку, где продавали пиво и чипсы, а урок был важный, денежный... И все-таки Ольга позволила себя усадить за шаткий пластиковый столик. На нее подействовало упоминание о муже.

– Ну так вот, – Ирина вернулась от стойки с бутылкой пива и нервно оглянулась. – Здесь можно поговорить.

«Меня, конечно, не угощает, – отметила Ольга. – Холодная война».

– С имуществом мы разобрались, – продолжала Ирина, наливая пиво в стакан. – С помощью твоего приятеля, правда...

И как-то похабно улыбнулась, будто на что-то намекая. Ольга вспыхнула:

– Разобрались, и слава богу! Вы свои деньги получили! Да они вам и не причитались, скажите спасибо Илье!

– Это ты его за меня поблагодари, – перебила та. – Наверное, уже и поблагодарила. По-своему.

– Да как вы можете...

– Я знаю, что он у тебя живет. Скажешь, неправда? К этому давно шло!

Ольга взяла сумку и встала:

– У меня дела, а вся эта грязь мне надоела. Знаете, я на прощание дам вам совет. Лечитесь! Хотя бы на те деньги, которые вчера получили!

И хотела было уйти, но Ирина неожиданно вцепилась в ремень сумки и потянула его к себе. Это было так похоже на начало драки, что Ольга всерьез перепугалась. Она никак не могла забыть той пощечины... Но Ирина драться не собиралась. Она крепко держала ремень и монотонно повторяла:

– Сядь, поговорим. Да сядь ты! Дело важное!

– У меня с вами больше нет дел!

– Виталий звонил!

Ольга села без дальнейших уговоров. У нее подкосились ноги, в горле пересохло. Ирина смотрела на нее прищуренными, цепкими, совершенно нормальными глазами. Да и была ли она в самом деле безумна? В этом сомневался даже ее бывший супруг. Во всяком случае, не сейчас. «Она не бредит, говорит серьезно, – пронеслось в голове у Ольги. – Но правда ли это? Она постоянно лжет!»

– Звонил мне вчера поздно вечером, – уточнила та. – А тебе?

– Что? – с трудом выговорила Ольга.

– Спрашиваю – тебе звонил?

– Нет... Он правда жив?

Ее приподняла горячая волна радости. Покачала на гребне и тут же бросила в пропасть. Жив, здоров, дал о себе знать! Все идет замечательно, со вчерашнего дня все пошло на лад! И тут же другая мысль – он звонил Ирине. Бывшей жене, с которой давно порвал все отношения. Не ей.

– Ты не врешь? – недоверчиво спрашивала Ирина, наблюдая за собеседницей. – Он правда тебе не звякнул? Странно.

– Да...

– Я-то думала, он просто отметился у меня, ради дочери. – И в неожиданном порыве откровенности женщина призналась: – Нечего считать меня ненормальной, я прекрасно понимаю, что ничто, кроме Тани, его в моем доме уже не интересует. Но почему он не позвонил тебе?

Ольга окончательно пришла в себя.

– Что с ним было? Почему так долго пропадал? Где? – Посыпались вопросы. – Он в Москве? Когда придет домой?

Та иронически пожала плечами:

– Я и сама хотела бы знать. Он ничего об этом не сказал.

– О чем же вы говорили?!

– О дочери, – сухо бросила та. – Он поинтересовался здоровьем Тани, успехами в учебе. Отметился, так сказать. Заботливый отец, ничего не скажешь. Я, конечно, решила, что он уже дома, распивает чай с женой и другом...

Теперь она заговорила совсем как прежде – с тонкой иронией, постепенно переходящей в хамство. Ирина переступала эту грань незаметно, и, скорее всего, даже для себя самой. Просто увлекалась. Но Ольга слышать не могла этой интонации. Теперь, осмелев, она перебила собеседницу:

– Это неважно, что вы подумали. Ничего этого не было. Что он сказал еще?

Та отодвинула пиво:

– А ничего. Попросил тебе ничего не говорить про этот звонок и повесил трубку. Я даже не успела опомниться, так ничего и не спросила.

– Это ложь! – поняла Ольга. – Ложь от начала до конца! Он не мог вас просить о таком! Он... Он вообще вам не звонил! Вы все это придумали, потому что у вас остался только Витя, чтобы продолжать меня мучить! А вы же без этого жить не можете!

И тут случилось то, в чем ее подозревал Илья. Ольга не выдержала и заплакала. Потрясение было слишком сильным. Сперва безумная радость, потом – подозрение... И наконец, прозрение – все было ложью, это очередной виртуозный садизм, которым славилась Ирина. Но на этот раз она превзошла саму себя.

Ольга встала. Ирина встала тоже. На них уже смотрели из-за соседних столиков. Плачущая хрупкая блондинка, а рядом – женщина в черном, с поджатыми губами, похожая на безутешную вдову.

– Я сказала правду, не реви, – пробормотала Ирина. – Ну ты и дура! Надо же, не веришь? А он правда звонил! И просил ничего тебе об этом не говорить! Ни тебе, никому другому!

– Не желаю вас слушать!

Ольга побежала вниз по улице, к метро. Ирина, постепенно отставая, прокричала вслед:

– Я же хотела с тобой посоветоваться – сообщить об этом в милицию или нет? Постой!

Та не обернулась и прибавила шагу. Через минуту она уже проскочила турникет метро, побежала вниз по эскалатору. Но торопилась она так вовсе не из-за того, что серьезно опаздывала на урок. Ей хотелось убежать от страха и гнева, которые преследовали ее с той самой минуты, как она впервые столкнулась с Ириной. Но сегодня, сегодня... Эти нормальные глаза и вполне спокойное начало разговора... И вдруг такая безумная, наглая, жестокая ложь!

Оказавшись на платформе, она наконец оглянулась, думая увидеть Ирину где-то на ступенях эскалатора. Но той нигде не было. Ольга села в подошедший поезд и только через две станции обнаружила, что едет не в ту сторону.

Глава 3

Илья вернулся домой первым. Когда Ольга, наконец измученная уроками и жарой, отпирала дверь, она слышала его голос. Тот говорил резко и повелительно, отчитывая кого-то за несоблюдение условий договора. Переступив порог, она поняла, что происходит. В прихожей стоял мастер, который когда-то взял на себя ремонт.

Увидев хозяйку, мужчины разом замолчали. Она робко поздоровалась с мастером – никак не могла по-хозяйски освоиться с этим грубым, неприветливым человеком, который всегда говорил с нею так, будто делал одолжение.

– Ну ты меня понял, Иван Петрович, – заключил Илья, снова поворачиваясь к собеседнику. – Чтобы завтра вся бригада была здесь. За неделю закончите.

– Касательно сроков... – Как всегда уклончиво пробормотал тот. – За неделю не обещаю.

– Ты за что с заказчика брал деньги? – Илья кивнул на Ольгу. – За выполненную работу? Она тебе платила за каждый сданный участок?

– Так мы договаривались, – осмелилась вставить Ольга. – Но...

– Оля, у тебя есть его расписки?

– Есть.

– Ты все ему уплатила полностью, как будто ремонт уже закончен?

Она кивнула. Мастер слушал с непроницаемо-равнодушным видом. Казалось, он не понимает, о чем зашла речь.

– И славно, – заметил Илья. – Иван Петрович, или в следующее воскресенье мы пьем могарыч, или я загляну в твою районную налоговую инспекцию. Покажу им договорчик с настоящей суммой. Оля, он у тебя? Надеюсь, ты не отдала его обратно?

Такой глупости она не сделала, хотя одно время мастер очень просил ее о таком одолжении. Но тогда ее что-то насторожило в его небрежном и вместе с тем настойчивом тоне. Договор остался у нее на руках.

– Ты, небось, и вовсе туда ничего не носил? – заметил Илья, дружески улыбаясь. – Ох, Иван Петрович! Налоги надо платить! Как ты за свою лицензию не боишься?

Угроза произвела на мастера очень неприятное впечатление. Он вышел из своего непробиваемо-спокойного состояния, попробовал было хорохориться, но быстро погас. Кончилось тем, что Иван Петрович твердо пообещал прислать с утра пораньше сантехника и своего лучшего кафельщика, а также двух ребят для отделки всех комнат.

– Редкостная сволочь, но хороший специалист, – заметил Илья, выпроводив гостя. – Иначе не стоило бы вообще с ним связываться. К сожалению, такое сочетание бывает частенько.

И тут он заметил ее погасшие, вовсе не радостные глаза.

– Ты что такая грустная? Устала?

– Это тоже. Но есть еще кое-что.

И Ольга коротко рассказала о своем утреннем приключении с Ириной.

– Не знаю, что еще она придумает, – уныло заключила она свой рассказ.

– А ты уверена, что это выдумка? – неожиданно спросил Илья.

Ольга остолбенела. У нее не осталось никаких сомнений в том, что Ирина солгала – слишком невероятным было условие, которое якобы поставил ей Виталий.

– Ты сам подумай, – она старалась говорить спокойно. – Если он в самом деле объявился – почему позвонил ей, а не мне?

Тот развел руками:

– Мало ли почему. Может, как раз потому, что она для него уже ничего не значит. А тебя боялся встревожить.

– Встревожить?! Меня куда больше тревожит, что он до сих пор где-то пропадает! И вообще, все это бред! Зачем звонить Ирине, если можно просто вернуться сюда, и без всяких звонков!

– Может быть, ему пока нельзя вернуться, – меланхолично заметил Илья. – Да что толку гадать!

– Нельзя вернуться! – передразнила его Ольга. У нее на глазах выступили слезы. – Можно подумать, он на секретном задании! Витя не разведчик, он обыкновенный человек! А Ирка – садистка! Надо же придумать – запретил меня извещать о его звонке! Она хотела, чтобы я как следует поревновала!

Он попросил ее успокоиться – в своей всегдашней манере – сердечной и слегка снисходительной. Сказал, что слишком много чести обращать внимание на безумные выходки Ирины. Рано или поздно та найдет себе другой объект для издевательств и отстанет.

– Я и сам думаю, что она все выдумала, – признался он, обнимая Ольгу за плечи и слегка сжимая их. – Поняла, что ты начинаешь успокаиваться, решила разбередить рану... Ладно, я с ней сам поговорю.

– Не стоит. Именно тебе не стоит с ней об этом говорить.

– Почему?

Она наконец решилась встретить его взгляд. Эти голубые глаза с желтыми крапинками вокруг зрачка были так спокойны – будто берег озера с чистым песчаным пляжем. Ольга вздохнула:

– Понимаешь, Ирина всерьез решила, что ты и я... Словом, что мы...

Он понял и заулыбался. Илья просто улыбался, ничего не говорил, а она смущалась все больше – как будто только что сказала правду, как будто ей было чего стыдиться.

– Сам знаешь, она всегда делает из мухи слона, – виновато добавила женщина.

– А если нет? – все так же спокойно, с той же улыбкой осведомился Илья. – Если на этот раз она окажется права?

– Что?!

Она не успела опомниться, как ощутила его губы и растерянно ответила на поцелуй. Тут же попыталась отстраниться, но он ее не отпускал. Его лицо было так близко, что знакомые черты расплылись, превратились во что-то неясное, смазанное, почти уродливое. Наконец она освободилась и отступила, задышав и невольно утирая ладонью рот:

– Ты с ума сошел?

– Совсем нет. Разве ты не знала, что когда-нибудь это случится?

Пожалуй, больше всего ее сбивал с толку его спокойный тон. Илья говорил так просто и уверенно, что она даже не нашла, что возразить. Не знала? Конечно, знала. Знала всегда. Эта мысль так ее ошеломила, что Ольга продолжала молчать и довольно неуклюже отступать к дверям в комнату. Она немного промахнулась и ощутила спиной гладкую, прохладную поверхность оштукатуренной стены.

– Так нельзя, – наконец выдавила она. – Это...

– Что?

– Невозможно.

– Почему? – Он приблизился. Отступать ей было некуда, она смотрела ему в лицо почти со страхом. Он был так уверен в своей правоте, а вот она – нет. Совсем нет. И ее не покидало ощущение, что она совершает предательство, изменяет мужу.

– Он не вернется, – прошептал Илья, оказавшись совсем близко, лицом к лицу. – Ты сама это знаешь. И ты знаешь, что одной тебе не справиться.

– Илья, не надо...

– Ты не выдержишь одна, ты не из таких женщин. Тебе нужен мужчина. Ты слабая. – Он снова обнял ее за плечи и добавил: – Именно поэтому ты мне так нравишься. Ненавижу железных леди! Женщина должна быть слабой – иначе грош цена и ей, и тому, кто с ней свяжется.

Ольга не возражала. Она даже не думала, прав он или нет, есть ли у нее свое мнение на этот счет. Это было совсем неважно. Она в самом деле часто чувствовала себя слабой, наивной, может быть, даже глупой. Она всегда считала это своим недостатком, пыталась стать сильнее, научиться подавлять чувства, справляться с обстоятельствами. Слабость считалась недостатком в том мире, где она привыкла жить. Но рядом с этим человеком было так приятно быть слабой. Быть собой. Он снова поцеловал ее, и она больше не делала попыток его оттолкнуть.

Среди ночи Ольга встала. Осторожно спустила с кровати ногу, оглянулась на спокойно дышащее тело рядом. Нашарила в темноте какую-то одежду. На кухне, когда она включила свет, тряпица оказалась старым халатом, который она не носила уже лет пять.

Ольга напилась воды, взяла со стола сигареты. Пошире отворила окно. Ночь была душная, черная, во дворе среди зелени слабо светил фонарь. Где-то далеко, за оградой высоких домов, проехала машина. Взвизгнули на перекрестке тормоза, взревел мотор – и снова тишина.

В темноту волнами поплыл сигаретный дым. Она стояла у окна, на виду у всех, кто захотел бы ее видеть. Но внизу не было никого.

«Я знала, что это будет, это должно было случиться, – повторяла она про себя. – Сейчас мне... Хорошо или плохо? Сама не знаю. Когда это случилось с Витей, в самый первый раз, я была так счастлива! Тогда я не задавала себе таких вопросов. Чувствовала себя так, будто мне снова пятнадцать лет, и я успешно сдала экзамен по специальности, все сыграла, как надо. Никаких цветов он мне тогда не дарил, но я все равно чувствовала запах роз. В ту ночь мне казалось, что пахнут цветами, что мы окружены ими со всех сторон. А когда он уснул, я вот так же встала и вышла на кухню... Потихоньку, чтобы не разбудить его, чтобы ничего не сломать, не повредить в своем новом мире. О, все стало новым, все – другим! Сам воздух стал другим. Я тогда заплакала от счастья. Я была такой легкой, такой юной. А что теперь?»

Она сама не понимала, что происходит. Илья был с нею очень ласков. Говорил чудесные, давно не слышанные слова. Обещал позаботиться о ней, уговаривал ничего не бояться. Потом отвернулся, сказал, что страшно устал за день, и быстро уснул – как человек, исполнивший свой долг, успешно решивший сложную задачу. А она осталась в темноте – совершенно одна, как будто никого больше не было в квартире и не лежал рядом мужчина, которому она только что растерянно отдалась.

«Когда я наконец вырасту? – спросила себя Ольга. – Мне тридцать четыре года. Возраст солидный. Пора поумнеть, избавиться от подростковых комплексов. В моей жизни появился мужчина, о котором я могла только мечтать. Сильный. Витя таким не был, это его постоянно приходилось защищать. От Ирины, от сомнений, от завтрашнего дня, от плохого настроения. Кажется, нет ничего, чего бы боялся Илья. Или он просто не показывает этого мне, за что ему большое спасибо. Своих страхов хватает. Он был со мной очень ласков. Немножко снисходителен, как с маленькой девочкой, но в моем возрасте это даже приятно. Конечно, приятно! Так хорошо думать, что рядом есть кто-то, сильнее и опытнее тебя. Он порядочный человек. Безусловно, порядочный и добрый. В этом я никогда не сомневалась. Илья в самом деле ко мне привязан. Хочет мне помочь, и не только на словах. Что же я терзаюсь? Чего жду?»

Она выбросила сигарету в окно и проследила, как на асфальте, далеко внизу, рассыпались оранжевые искры. Обняла себя за локти, ощущая истершуюся махровую ткань. Нахмурилась. И еще раз оглядела свой халат.

Откуда он взялся? Она оглядывала себя, не веря глазам. Этот дешевенький халатик пронзительно розового цвета подарила ей мать, когда Ольга отправлялась в Москву на учебу. Халат обитал с ней в общежитии, спускался вместе с Ольгой в осклизлый, дурно пахнущий подвал, где располагалась душевая. Ходил на вечеринки в соседние комнаты. Знал ее первого парня.

Ольга уступила тому не по любви, а из безволия. Просто не смогла вовремя оттолкнуть. Халат все видел – он висел рядом на стуле.

Потом она долго снимала комнаты в разных районах Москвы, и розовый, порядочно истрепавшийся друг снова был с ней. Она готовила в нем пищу на коммунальных кухнях, говорила по телефону, стоя в коридоре, читала книги, лежа на продавленных кроватях, выдавших столько постояльцев, что их пружины стали почти одушевленными. Потом на локтях появились дыры, ворот обвис, полы вытянулись, поясок потерялся. Она купила себе другой халат – в серо-зеленую полоску, а этот отправила на пенсию. Хотела было порвать на тряпки, но потом передумала. Это было все равно, что оскорбить верного друга. И с тех пор, где бы Ольга ни скиталась, куда бы ни переезжала, халат неизменно следовал за ней. Его запихивали в самый дальний угол, где его легко можно было забыть при очередном переезде – но халат неизменно объявлялся, стоило начать паковать вещи.

С тех пор как она поселилась здесь, у Виталия, халат покоился на антресолях, в сумке с прочими старыми вещами, которые Ольга надеялась когда-нибудь доносить или переделать. Она давно уже не видела его, и вот... Совершенно неожиданно он попался ей под руку в спальне, рядом с постелью.

– Свидетель обвинения, – неожиданно сказала она вслух. У нее возникла странная, несколько безумная мысль: халат, свидетель ее романа с Виталием, теперь выполз с антресолей, чтобы обличить хозяйку в измене.

Собственно, ничего странного не случилось. Во время ремонта многие вещи перемещаются по дому, почти самостоятельно, и попадают в самых неожиданных местах. Но Ольге стало не по себе. Это было совершенно лишнее напоминание о том, что только что случилось. Именно сейчас ей вовсе не хотелось видеть старый розовый халат. Она закрыла окно, погасила свет и, сняв халат, повесила его на спинку стула.

Следующий день был у нее свободен. Ни одного урока, никаких дел. Это оказалось настолько непривычным, что женщина растерялась. Рабочие в самом деле явились утром, ровно в девять. Выслушав указания мастера и Ильи, они сразу взялись за дело. Ольге не пришлось произнести ни слова, и она была счастлива.

– У меня небольшое дело в городе, а потом я свободен, – сообщил Илья. – Зачем нам здесь сидеть? Сейчас начнется шум, воду отключат, уже побежали за сантехником. Поехали, развлечемся!

Она немедленно согласилась. Ей вовсе не хотелось здесь оставаться. Уже совершенно одевшись, слегка подкрасившись, Ольга бросила последний взгляд на спинку кухонного стула. Розовый халат висел там с самым невинным выражением. И в то же время, казалось, на что-то ей намекал. Когда они вышли из дома, у нее появилось искушение спросить Илью – не доставал ли он, часом, какие-то сумки с антресолей? Но Ольга понимала, что спрашивать бессмысленно. Разумеется, он этого не делал.

Илья взял такси и назвал водителю адрес в центре. Потом повернулся к своей спутнице.

– Потерпишь часик? Нужно решить один вопрос, а потом отметим...

– Что именно? – переспросила она.

– Ну, мой приезд, например, – в его глазах блуждали яркие, насмешливые огоньки. Ее смущение явно забавляло Илью. – И конец твоего процесса. Да и ремонт скоро кончится. Мало ли поводов?

Она промолчала. «На его месте Виталий назвал бы только один повод – прошлую ночь, то, что случилось. Но это хорошо, что Илья такого не сказал. Я бы не знала, куда деть глаза».

Тот продолжал говорить – казалось, он наслаждается тем, что его просто слушают, не перебивая, не вступая в расспросы. Илья посвятил ее в свои планы на будущее, рассказал об оставленных в Германии делах, слегка похвастался успехами – впрочем, не называя цифр. Посетовал на высокие налоги. Недобрым словом вспомнил Ивана Петровича, но тут же заме-

тил, что тот слишком умен, чтобы наживать себе неприятности. Наконец Илья заметил, что женщина его почти не слушает, а думает о чем-то своем.

– Ты что, не выпалась?

Этот вопрос – почти грубый – мигом привел ее в себя. Она встрепенулась и виновато посмотрела ему в глаза:

– Задумалась.

– И о чем?

– Знаешь, я вчера ночью неожиданно нашла одну свою старую тряпку, – призналась Ольга. – Как она оказалась в спальне – ума не приложу! Халат все время был в сумке, на антресолях.

Он посмотрел на нее так, будто она говорила на незнакомом языке. А потом вдруг расхохотался. Даже водитель слегка повернул к ним голову – пара сидела на заднем сиденье.

– Ну почему вы всегда думаете только о тряпках! – воскликнул Илья. – Знаешь, у тебя было такое лицо, будто ты решаешь вопрос о смысле жизни! Оказывается, всего-навсего нашелся старый халат! Поздравляю!

Она не обиделась. В самом деле, ее ответ прозвучал как-то легкомысленно и нелепо.

– Просто я пыталась понять, откуда... – начала она, но Илья ее остановил:

– Знаешь, что я придумал? Тебе нужно отдохнуть по-настоящему. Рестораном тут не обойдешься. Я тебя отправлю куда-нибудь в теплые страны!

Ольга уже привыкла к его радикальным предложениям. Илья всегда любил ошарашить собеседника, неожиданно поменяв тему разговора и сделав широкий жест. Она привыкла не принимать близко к сердцу такие выходки и поэтому отмахнулась:

– По-моему, и здесь достаточно тепло. Безумная жара, какие еще теплые страны...

– А почему бы тебе не поехать? – продолжал развивать свою мысль Илья. Он ее, казалось, не слышал. – Время есть, деньги тоже, я тебя отпускаю...

Шофер явно решил, что везет супругов, подумала она. Немного странную пару, которая как будто не слышит друг друга и все-таки умудряется общаться. Небось, думает, что жена недотепа, а муж – рубаха-парень. Частое сочетание.

– Ни времени нет, ни денег, – твердо сказала она. – У меня ученики, уроки. А деньги кончились. Нет! – Ольга заметила его протестующий жест. – Ты и так потратился, страшно вспомнить, сколько денег швырнул на ветер! Я тебе очень благодарна, но на этом все. Хватит!

Она сама не знала, как получилось такое решительное выступление. Илья секунду смотрел на нее ничего не выражающим взглядом, потом демонстративно пожал плечами и отвернулся к окну. А она даже не почувствовала угрызений совести за то, что так резко с ним говорила. Одна фраза, произнесенная Ильей, как будто разбудила женщину. «Я тебя отпускаю!» «Как это – отпускает? Что это такое? Я ему не жена, не дочь, не невеста, чтобы так мною распоряжаться! Или он считает, что эта ночь сделала меня его собственностью? Или... Здесь замешаны шесть тысяч долларов? Их заплатили одной женщине, чтобы купить другую?»

В салоне было душно, в припущенное окно врывался угарный воздух магистрали, но руки у нее покрылись гусиной кожей. Ольга сглотнула – ей было очень нехорошо. «Во что я вляпалась! Ведь я была с ним ночью не из-за шести тысяч, я... Не продавалась! Это случилось просто потому, что... Ну потому, что должно было случиться! Он думает иначе? Неужели?! Как об этом спросить?»

– Вот здесь остановите, – мрачно сказал Илья и сунул водителю деньги. Не глядя на Ольгу, бросил: – Пойдем.

На узком горбатом тротуаре было тесно – на этой старой центральной улице было много магазинов. Ольгу сразу ощутимо толкнули, и она машинально прижалась к Илье. Они стояли перед маленьким рестораном с оранжевой неоновой вывеской.

– Подожди меня вот здесь, – сказал он, указывая на дверь. – Тут прилично кормят, и никто к тебе лезть не будет. Выпей чего-нибудь, а когда я приду – пообедаем.

Илья по-прежнему избегал ее взгляда. Ольга хотела было что-то сказать – извиниться, спросить, за что он так сердится – неужели из-за решительного тона, которым она отказалась от денег? Но он развернулся и быстро пошел прочь. Сойдя с тротуара, пересек дорогу, ловко увернулся от выскочившей из-за угла машины, исчез в темной подворотне.

Ольгу снова толкнули в спину. Было просто невозможно устоять среди потока прохожих, будто застряв посреди этого горячего полудня, в ядовитой жаре большого города. Ей казалось, что каблуки глубоко вонзились в свежеположенный асфальт. Нужно было или двигаться вместе с толпой, или куда-то пойти. Ольга толкнула стеклянную дверь ресторана.

Холодный кондиционированный воздух, приглушенный свет, пустые столики, накрытые плотными зелеными скатертями. Единственный посетитель стоял у барной стойки, пил что-то из запотевшего стакана и лениво беседовал с молоденькой барменшей. Та лениво отвечала ему, глядя при этом на привинченный к потолку телевизор, по которому показывали какие-то мультики. Ольга, слегка поколебавшись, присела за угловой столик. Над ее головой в стену был вмонтирован аквариум. В нем невесомо передвигались серые, невзрачные, довольно крупные рыбы, слегка похожие на воблу. Всплывали воздушные пузыри, среди водорослей виднелся каменный, освещенный адским светом замок. Крыша замка была изрядно загажена рыбьими испражнениями.

К столику подошла официантка. Черная юбочка, белая блузка, радостная улыбка.

– Не желаете пообедать? – спросила она, кладя на стол пухлое меню в кожаном переплете.

Ольга виновато отказалась. Она пояснила, что дождется здесь друга и тогда-то они вместе пообедают. А пока...

– Минеральной воды, пожалуйста, – попросила она. И, чтобы не гонять девушку зря, храбро добавила: – И сто граммов коньяку.

– Французского, армянского?

– Армянского.

– Пять звездочек, – сообщила девушка, снова улыбнулась и исчезла. Через несколько минут она вернулась с заказом, при этом пояснив, что вода подается за счет заведения.

Ольга слегка успокоилась. Похоже, она могла здесь сидеть сколько угодно, ничего больше не заказывая, и никому не быть в тягость. Илья был прав – место уютное, персонал вежливый. Впрочем, он почти всегда бывал прав. При этой мысли она почувствовала еще большую вину. Ну, что он, в сущности, такого сказал? Немножко перегнул палку. Слишком рано заявил о своих правах на нее. Ну и что такого? Он всегда чувствовал ответственность за своих друзей, относился к ним, как к несмышленным детям. Это тем более понятно теперь, когда Ольга осталась одна.

«Какая я все-таки дура!» – подумала женщина, осторожно окуная в коньяк кончик языка. Ничего страшного не произошло. Вкус был приятный, язык как будто слегка одеревенел, во рту разлился терпкий аромат. Она выпьет всего глоток, не больше. Ей хочется сохранить ясную голову, а она пьянеет от такой малости... А потом будет терпеливо ждать Илью. Когда он придет, она непременно извинится. И он простит – ведь все это такие пустяки, детские обиды. Он должен быть снисходителен, ведь она столько перенесла, нервы не в порядке...

К одинокому клиенту за стойкой бара добавился еще один. Явно приятель. Мужчины потягивали коктейли, выбросив на стойку соломинки, бумажные зонтики и прочий декоративный хлам. Теперь они говорили громко, возбужденно. Барменша слегка отодвинулась от них, не сводя глаз с телевизора. Казалось, старый диснеевский мультик поглотил ее внимание целиком, но на бледном лице никаких чувств не отражалось. Микки Маус верещал гавайскую песенку и вертел задом, а барменша пристально наблюдала за ним – с абсолютно каменным лицом. Она была чем-то неумовимо похожа на одну из плававших в аквариуме рыб. По залу

прошла официантка, нерешительно посмотрела на столик Ольги и, не дойдя до нее нескольких шагов, свернула в сторону, исчезнув за каким-то занавесом.

«Илья сказал, что ждать придется не больше часа. Как долго тянется время!» Ольга подумала, что если она будет налегать на коньяк, скоро придется заказать еще что-нибудь, а у нее совсем нет денег. За урок обещали заплатить в конце недели – с ней всегда рассчитывались оптом. Так было легче самой учительнице – если бы она брала деньги каждый раз, как занимается с ребенком, то у нее было бы неприятное чувство, что музыка превратилась в товар. А Ольга, как ни старалась, никак не могла к этому привыкнуть.

Официантка наконец решилась к ней подойти. Все с той же сияющей улыбкой она спросила, не желает ли гостя взять что-нибудь еще. И принялась нахваливать повара. Ольга слушала с вымученным вниманием. Она уже успела изучить цены в меню. Ресторан, конечно, был хороший, по всему видно. По ценам в том числе. А денег Илья ей не оставил. Забыл, когда покинул ее на улице? Скорее, нарочно не дал. Ведь она только что отвергла всякую помощь. «Решил проучить глупого ребенка, – с раздражением подумала она. Ольга не представляла, как отвяжаться от любезной официантки. – Дескать, не хочешь денег? Не нужно, обходись своими силами, как и решила. А я... Не могу этого сделать. Наверное, я в самом деле просто глупый ребенок. Не будь я такой растяпой, попросту не пошла бы в это дорогое заведение, а погуляла бы по улице, дожидаясь Илью».

– Я дождусь друга, – наконец ответила Ольга. Больше ей просто нечего было сказать. Официантка не утратила вежливости, но Ольге показалось, что улыбка девушки стала не такой приветливой.

– Возьму кофе, – сказала она, прикидывая про себя, что на чашечку эспрессо денег должно хватить. – И пожалуйста, принесите счет.

Девушка удалилась. Ольга знала, что выиграла этим заказом всего несколько минут. Что она будет делать после того, как допьет кофе?

Она всегда боялась официантов, портье, горничных в гостиницах – всех, кто предлагал свои услуги, а не какой-нибудь товар. Платя им, просто разговаривая с ними, Ольга всякий раз ощущала, что не может найти верного тона. Не умеет быть естественной, развязной, попросту уверенной в том, что имеет право требовать за свои деньги каких-то услуг. Когда официант ставил перед ней тарелку, ей всегда хотелось вскочить и помочь ему. В тех редких случаях, когда ей случалось жить в гостиницах, она сама тщательно прибирала свой номер. И не умела давать чаевые – не потому, что жалела денег. Просто ей казалось, что она тем самым унижает прислугу, а себя – того больше.

Она залпом выпила принесенный кофе, затем коньяк, сделала последний глоток минеральной воды. И решила подождать Илью на улице. Ольга уже поднималась из-за стола, когда в ресторан вошла новая посетительница. Это была полная женщина лет сорока, одетая совсем не по возрасту и не по погоде.

На ее гладких, массивных боках поскрипывала тонкая лаковая кожа яркой, легкомысленной курточки. Ноги были до щиколоток укрыты узкой черной юбкой, стесняющей шаг. Зато элегантные туфли на шпильках вполне подходили к ее импозантной, пышной внешности. За исключением цвета. Они были золотыми и сразу навевали мысль о курортах, ресторанах на побережье, южных ночах и легкой музыке.

Ольга успела как следует рассмотреть интересную даму, потому что та, едва войдя, остановилась посреди зала и принялась озираться по сторонам. Несколько раз их взгляды встретились. Дама слегка нахмурилась, отвела глаза... И тут же, будто передумав, направилась прямо к Ольге.

– Думала, не узнаю, – сказала она, бросая сумку на столик и бесцеремонно усаживаясь. – Вы-то меня узнаете? То есть ты. Мы ведь на ты!

Ольга ошалело вгляделась в ее лицо. Что-то знакомое промелькнуло в сочной улыбке ярких губ – такой аппетитной, будто обладательница этого рта только что плотно и жирно пообедала. И вдруг вспомнила. Как она могла с кем-то перепутать эту даму!

– Вы были тогда с Ильей...

– Точно, были у вас в гостях, – подхватила та. – Я – Камилла.

Ольга вспомнила это имя прежде, чем та представилась заново. Теперь она вспомнила вообще все – вплоть до анекдотов, которыми сыпала в тот вечер подвыпившая гостья. Вплоть до беззлобных и все-таки очень колких насмешек, которыми поддевал подругу Илья. Вспомнила свою тихую ярость ночью, легкий приступ ревности, первое осознание того, что друг мужа ей не совсем безразличен. Да, Камилла. Редкое имя, восточный разрез чуть припухших, подкрашенных синим карандашом глаз. Явная примесь восточной крови, скорее всего – азиатской. Темноватая кожа, резкая линия скул, рот хохотушки и неожиданно цепкий взгляд.

– Илья просил составить тебе компанию, – продолжала та, раскрывая сумочку. – И еще – передать, что он задержится, чтобы ты обедала без него, не ждала. Расстроилась?

Ольга и слова не успела сказать, а уже Камилла подозвала официантку, уже давно переминавшуюся поблизости. Та подскочила и заказ был сделан молниеносно, причем Камилла заказывала все на две персоны, совершенно не спрашивая мнения Ольги. Та молча ждала, когда ее компаньонка угомонится.

– На десерт мороженое с фруктами, кофе и ликер. Есть у вас приличный ликер? – спрашивала Камилла, несколько брезгливо и в то же время повелительно.

Оказалось – есть. Официантка удалилась в восторге – это было видно даже по ее узкой, подрагивающей спине. Барменша оживилась. Из-за занавеса кто-то выглянул и тут же скрылся. Эта пышная дама внесла живую струю в сонную одурь полуденного ресторана.

– С удовольствием с тобой пообедаю, – сообщила Камилла, как будто раскрывая большой секрет. – Составлю компанию. Не против?

– Да я вовсе не...

– Не хочешь есть, – закончила за нее фразу та. – Бережешь фигуру? Да ну, к чему уродоваться, кому это нужно? Только не Илье.

Ольга тем временем успела осознать всю щекотливость ситуации. Она, нынешняя любовница Ильи, сейчас будет обедать с его бывшей пассией. И та, судя по всему, прекрасно знает, до какой стадии дошли их отношения. Знает или нет?

Камилла быстро разрешила ее сомнения. Она пустилась в рассуждения о мужчинах и мимолетно коснулась вкусов Ильи.

– Они сами не знают, чего хотят, – доверительно говорила женщина. – Одно время им нравятся блондинки, потом брюнетки. Сперва полные вроде меня, потом худые. Ну, такие, как ты. Мужики все одинаковые, в том смысле, что их тянет на новенькое. Илья не исключение. Она закурила и весело добавила, что даже не думала на него обижаться, когда они расстались.

– Это же я настояла на том, чтобы разбежаться, – пояснила она. – Зачем это мне, боже мой! У меня семья, трое детей, хороший муж... А когда я с Илюшей связалась, на хозяйство уже времени не хватало. А семейка у меня любит поесть. Мы все вот такие!

И она самодовольно провела ладонями по бедрам. Казалось, пышные формы были для нее источником гордости, а не грусти.

– А где вы встретили Илью? – осторожно осведомилась Ольга. Ей впервые удалось вставить словечко. И никак не удавалось заставить себя перейти на «ты».

– У себя на работе, – ответила та, достав пудреницу. Критически осмотрев лицо, добавила: – Ворвался сейчас, разорался, всех разбудил. Помогите ему! Торопитесь, женщина его ждет в ресторане! Вчера вернулся из своей Германии и уже успел найти подругу.

Ольга смутилась и тут же засмеялась. Камилла ее забавляла. Никакой ревности она больше не чувствовала, да это было бы глупо. У той было право первенства, и она им никак не

пользовалась. Беседовала с Ольгой, будто с подружкой, и самое лучшее – не спрашивала, куда подевался ее муж. Вероятно, решила, что Ольга просто завела роман на стороне.

– Я оттуда сбежала, когда поняла, что меня сейчас запрягут, – пояснила Камилла. – Его там и без меня обслужат, дело-то пустяковое, сделать несколько бумажек. Много шума из ничего, буря в пустыне! Он всегда врывается, как броневик, даже если ему нужно прикурить.

Она с интересом повернула голову и возбужденно заметила:

– О, нам что-то несут! Сама посуди, какой мне интерес сидеть в конторе и париться в духоте! Уже с утра было ощущение, что я вот-вот утеку в собственные туфли! Кондиционер сломался еще вчера, а эти сволочи его до сих пор не починили. У меня кабинетик – шесть метров.

Помещаюсь там только я и компьютер. К вечеру голова становится квадратная, как монитор. О, салатики!

И она с наслаждением взялась за салат. А вот Ольга никак не могла заставить себя что-то съесть. Странно – чем аппетитнее соседка по столику уминала свою порцию, тем более отвратительной казалась ей еда. Что это – отголосок старой ревности? Или просто нервная реакция?

– Илья сказал, у тебя все уладилось, – сообщила Камилла. Ее яркие, жирные губы блестели, как давно немытая посуда. Ольга подавила слабый приступ тошноты.

– Да, в общих чертах, – уклончиво ответила она.

– Твой процесс закончен?

Она кивнула. Ей было неприятно, что собеседница осведомлена о таких деталях. Если она заговорит о Виталии... Но Камилла только оглядела свою тарелку, почти опустевшую.

– Сейчас принесут горячее. Ты не боишься баранины? Некоторые это мясо не любят, а вот я ее обожаю! Жестковато, но что с того?

И без перерыва поведала, что с детства обожает восточную, экзотическую, на московский взгляд, кухню. Наверное, сказывается кровь, заметила она. Ольга узнала, что Камилла родилась и выросла в Узбекистане.

– Илья любит экзотических женщин, – сказала та. – Или любил, уж не знаю! Но все-таки это довольно странно, что он на тебя запал.

Все в ней – одежда, выражение глаз, бесцеремонные речи – вызывало в Ольге чувство неприязни. И тем не менее она не могла зажать уши, встать и уйти. Она начинала понимать Илью – Илью той поры, когда он увлекался Камиллой. Она в самом деле могла зачаровать – именно этой пряной необычностью.

– Сейчас он придет, – сообщила та, нетерпеливо оглядывая приближающуюся официантку. Девушка натужно, но в то же время с профессиональным изяществом несла тяжелый, уставленный тарелками поднос. – Наверное, нужно было все заказать на троих, но раз уж у него так изменились вкусы... Не знаю, что он теперь ест.

Но сказано все это было без тени ревности и неприязни. Ольга даже позавидовала этой женщине. Хорошо бы научиться воспринимать свою жизнь так же – без трепета, без страсти, с философским спокойствием. Муж, любовник, друг – все пройдет мимо, останешься только ты, наедине со своей душой, со своей натурой. Все остальное – неважно.

Она снова взглянула на часы. Зрелище поставленных перед нею тарелок с кусочками темного мяса, картофелем фри и приправами оставило ее равнодушной. Зато Камилла настолько ушла в процесс, что совершенно позабыла о своей собеседнице. Она впервые замолчала, а Ольга получила возможность подумать. Илья прислал к ней свою прежнюю любовницу. Ему прекрасно известно, что она хорошо знает об их старых отношениях. Как это понять? Пора ему появиться – она ждет почти полтора часа – намного дольше, чем он обещал...

Ольга постоянно поглядывала на дверь, но когда вошел Илья, в первый миг его не узнала. Она как будто увидела его впервые – настолько незнакомыми показались его глаза, залысина,

сама манера держаться. Илья пустым взглядом обвел ресторан, увидел женщин, подошел, криво опустился на стул. Ей подумалось, что он пьян. Его пошатывало из стороны в сторону, и казалось, что он с трудом сохраняет равновесие.

Камилла встретила его сияющей улыбкой:

– Наконец-то!

– Ты о чем? – спросил мужчина, ставя локти на столешницу. Ольгу он как будто не видел – смотрел только на свою старую знакомую.

– Мы тебя давно ждем!

– В самом деле, давно?

«Он пьян, – подумала Ольга. – Напился в конторе, а теперь безуспешно пытается это скрыть».

– Я не так уж опоздал, – сказал Илья, заглянув под обшлаг рукава. Видимо, он пытался найти там часы, но так и не разглядел циферблата. Зато Ольга хорошо разглядела стрелку и цифры. Он опоздал. Явился куда позже, чем обещал, и теперь ясно почему. Напился с приятелями. Напился в стельку!

– Однако, – критически сказала Камила. При этом она явно наслаждалась всем происходящим. И то и дело метала косые взгляды в сторону Ольги. – Где ты успел так нажраться? Кто тебя напоил?

– Не твое дело, – ответил тот.

– Может, не мое, но здесь сидит женщина, которой ты обещал...

– Да замолчи ты!

– Молчу, – неожиданно кротко ответила Камила. – Однако ты меня попросил кое о чем...

– Сама знаешь, что внакладе не останешься, обед за мой счет, – отрезал Илья. – Ради бога, замолчи!

Ольга слушала, не вступая в разговор. Ей казалось, что эти двое говорят о чем-то таком, о чем она не имеет ни малейшего понятия. Камила снова достала пудреницу, слегка коснулась пуховкой выступающих скул. Придирчиво огляделась по сторонам. Она ждала, когда принесут десерт. Илья ничего не ждал – у него было такое застывшее лицо, как будто его заморозили в холодильнике и только что вынули, чтобы сделать немного помягче. Он пытался улыбнуться, но ничего не получилось.

– Что происходит?

Она услышала свой голос как будто со стороны. Камила вопросительно подняла брови:

– Я лично жду десерт.

– Илюша, что с тобой? – Ольга больше не слушала эту женщину.

– Ничего особенного, – Илья наконец увидел ее. – Просто устал. Жара...

– От чего это ты устал? – бесцеремонно перебила Камила. – Бумажки подписывать или стакан поднимать? Я даже знаю, с кем ты пил! Теперь кондиционер точно не починят!

– Ты не могла бы уйти отсюда? – неожиданно обратился к ней Илья. Голос у него был усталый и злой. Теперь Ольга не верила своим глазам – как она могла так обмануться! Пьян? Трезв, как никогда! От него совсем не пахло, Илья сидел прямо, а его глаза... Они были усталыми, почти больными, но ни в коем случае не хмельными.

– Что ты сказал? – недоверчиво переспросила Камила.

– Я говорю, что тебе лучше бы уйти, – повторил Илья. – Тебя ждут люди.

– Никуда не двинусь, пока не съем десерт, – решительно объявила женщина. Она возмущенно взмахнула вилкой, которую все еще держала в руке. Ольге показалось, что она хотела уколоть Илью зубьями, но вовремя остановилась. – Вот съем и пойду.

– Как хочешь, – он обреченно встал, оглядел грязные тарелки и выложил на стол несколько купюр. – Надеюсь, этого хватит. Оля, пойдем.

Она молча последовала за ним. На выходе не выдержала и обернулась. Камилла сидела бледная, злая и вертела в руках скомканную салфетку. Ольге показалось, что глаза женщины мокры, но тут ее мог подвести рассеянный, неяркий свет ресторанного зала.

Они вышли на улицу. После кондиционированной прохлады и полутьмы день казался обжигающим. Ольга сощурилась. Она едва поспевала за Ильей – тот решительно двинулся вверх по улице, не ожидая, пока его догонят.

На углу, возле светофора, они наконец поравнялись. Женщина слегка запыхалась. Она самовольно взяла спутника под руку, Илья при этом чуть повернул голову:

– Наглая баба!

– Я?!

– Она, конечно. Видит, что людям не до нее, но сидит, ждет продолжения шоу. Жирная гадина!

– Зачем же тогда... – Она торопливо пошла рядом с ним. Загорелся зеленый свет, они перешли улицу. – Зачем ты вообще ее ко мне прислал? Я бы дождалась тебя и так. Она ведь была твоей...

– Ну да, крутили любовь, – отрезал он. – Ты думаешь, для нее это что-то значит? Расстроилась, когда тебя увидела? Да у нее на сегодняшний день несколько любовников сразу. Что такое сантименты – она не знает.

– И все-таки, – Ольга с трудом приноравливалась к его широкому, возбужденным шагам. Приходилось почти бежать. – Это было не совсем удобно. Мне, во всяком случае.

Он не ответил. И тогда она решилась спросить, что с ним все-таки случилось.

– У тебя такое лицо!

Неожиданно Илья остановился. Повернулся к ней, потер ладонью щеку. Его глаза стали растерянными – как будто до сих пор он двигался в лунатическом сне, а теперь проснулся посреди уличной толпы, не понимая, как тут оказался.

– Да? – переспросил он. – В самом деле? – И без перерыва добавил: – Знаешь, мне, наверное, лучше будет от тебя переехать.

Он зачем-то посмотрел на часы, на этот раз увидев циферблат и медленно двинулся дальше. В первый момент Ольга не смогла заставить себя двигаться. Переехать?

– Ты так на меня обиделся? – жалобно спросила она, догоняя его. Эта странная погоня на многолюдной улице походила на дурной сон. – Неужели все из-за того, что я не захотела ехать на курорт?

– Какой курорт? – искренне удивился Илья. – Ах, ты об этой глупости... Вовсе не из-за этого. Ты была права, разве я могу тебе указывать, куда ехать, что делать. Ты была совершенно права.

«Обиделся, и очень сильно, – поняла женщина. – Какой же он ранимый! Никогда бы такого не подумала!» Она пришла в отчаяние. Обидеть лучшего друга, единственного человека, который действительно хотел и мог ей помочь! Который уже столько сделал для нее! Который в конце концов... Только прошлой ночью...

Она схватила его за руку:

– Ну послушай, я прошу прощения! Я была права, нервы развинтились! И я очень благодарна за все, что ты для меня делаешь!

– Да не о чем говорить!

– Ты не можешь вот так просто взять и уйти!

Илья сильно, почти до боли сжал ее пальцы. Его рука была влажной и горячей.

– Езжай домой, – хрипло сказал он. – У меня сегодня еще столько дел! Вечером постараюсь забрать вещи, но ты особенно меня не жди. Могу и не успеть. Увидимся на днях, ладно?

Ольга подумала, что сейчас заплачет. Вот так нелепо все кончается? Так кончается долгая дружба, едва начавшийся роман? Что же у нее останется, если этот мужчина тоже уйдет,

исчезнет? Опять пустота, сводящая с ума тишина по ночам, слишком широкая постель, одиночество, страшное чувство заброшенности, незащитности? Он едва снял с ее плеч тяжелый груз и тут же взвалил его обратно. Ольга даже не успела перевести дух. Не прошло и двух суток, как она опять осталась одна...

– Прошу тебя, – почти беззвучно сказала она, толком не зная, о чем собирается просить.

Но он уже не слушал. Илья отпустил ее руку и теперь быстро удалялся, мелькая за спинами прохожих. Он почти бежал, полы его легкого пиджака развевались. Ольга стояла у обочины. Ладонь была еще влажна от его рукопожатия, во рту пересохло, в левом виске проснулся лихорадочный, частый пульс. Она смотрела ему вслед до тех пор, пока не потеряла из виду. Илья скрылся за углом.

Глава 4

Ольга едва переставляла ноги – они онемели, в ступнях появилась горячая, стреляющая боль. С того момента, когда Илья исчез, она бродила по городу, не останавливаясь, без цели, без намеченного маршрута. Куда ей было идти? Отправляться домой она не хотела. Одна мысль о столкновении с рабочими, которые с утра оккупировали квартиру, приводила ее в отчаяние. Денег не было, а значит, она не могла зайти в кафе, дать усталым ногам передышку. Напротиситься к кому-нибудь в гости, позвонить знакомой? У нее не было настроения кого-то видеть, о чем-то говорить. Хотелось молчать, ни о чем не думать и плакать... Но разве заплачешь в толпе, где на тебя устремлено столько глаз!

И она ходила, ходила... Иногда спускалась в метро, бесцельно проезжала несколько станций, снова поднималась наверх. День клонился к вечеру, даже солнце начинало уставать. Ее лицо пылало, как в лихорадке, блузка на спине намокла от пота. Она купила бутылочку воды и выпила ее одним духом. Ольга говорила себе, что нужно возвращаться домой, и тут же спрашивала – есть ли у нее дом? Дом в том смысле, как его нужно понимать? Очаг, семья, убежище? Место, куда хочется возвращаться, где тебя ждут?

«Я никогда не почувствую эту квартиру своей, – думала Ольга, пересекая двор. – Никогда не стану настоящей хозяйкой. Ну, закончится этот ремонт, уйдут рабочие, я все вымою, отскребу, расставлю по местам мебель. И потом наступит вечер, когда мне уже не нужно будет ничего делать. И вот этот-то долгожданный вечер и будет началом настоящего ужаса. Потому что я представляла его совсем не так. Я думала – мы с Виталием усядемся за стол, накрытый чистой скатертью. Откроем бутылочку красного вина, зажжем красивые свечи. Я обязательно приготовлю утку с яблоками или с ананасами – как он любит и как люблю я. Поставим музыку, задернем шторы. Поцелуемся и поздравим друг друга с окончанием наших мук. И эти слова будут значить для нас намного больше, чем конец ремонта. А потом начнем новую жизнь – такую же новенькую, чистую, как наша квартира. И с того самого момента всерьез задумаемся о нашем будущем ребенке. Потому что ребенок должен быть, без него ни одна квартира не превратится в настоящий дом. А теперь? Чего я жду теперь? И жду ли вообще?»

Она так устала, что даже забыла взглянуть на окна своей квартиры. Если рабочие все еще там, должен был гореть свет, уже темнело. Но ей было все равно – там они или уже ушли. В любом случае, она больше не может бродить по улицам, как беспризорная собака.

Ольга остановилась перед дверью, вложила в замочную скважину ключ. Мельком подумала, что у Ильи тоже есть ключи от квартиры, он самовольно присвоил себе один комплект. Он может прийти за своими вещами, даже если ее не будет дома. И тогда они даже не попросятся. У нее не будет ни малейшего шанса что-то объяснить, извиниться как следует, попросить о снисхождении... Вероятно, он все-таки подгадает, когда ее не будет дома. Илья не любитель сцен, и если он решил, что все кончено, все воистину кончено...

Замки были отперты, но дверь не открывалась. Изнутри кто-то закрыл ее на задвижку. Значит, в квартире все-таки были рабочие. Остались допоздна, хотя она столько раз просила не делать этого, соседи жалуются на шум...

Она услышала за дверью быстрые шаги, глазок потемнел, потом щелкнула задвижка.

В следующий момент она уже смеялась и плакала, спрятав лицо на груди у мужа. Ольга буквально повисла на нем, так что ему с трудом удалось закрыть дверь. Виталий гладил ее по волосам и бормотал что-то неразборчивое, просил успокоиться, предлагал воды.

– Господи! – воскликнула она, смутно различая сквозь слезы знакомое лицо. – Это в самом деле ты! Ты! Значит, она не лгала!

– Кто? – ему удалось увести жену в комнату и усадить на диван. Ольга вытерла слезы. Теперь ей удалось как следует разглядеть его лицо. Немного осунулся, слегка похудел и у него такой усталый взгляд... Но это был ее Виталий – прежний Виталий, живой, здоровый!

– Где же ты был? – произнесла она сакраментальную фразу, изо всех сил стараясь, чтобы в ней не прозвучал упрек.

Муж отмахнулся:

– Потом расскажу. Скажи лучше – как ты управлялась одна?

– Ох, я такого натерпелась, – мысли путались, слова терялись – Ольга была совершенно сбита с толку. Только что она была в глубоком унынии, а теперь не знала, как выразить свою радость. А также изумление – оно было ничуть не меньше.

– И этот ремонт, и Иркин судебный процесс... Ах, да ты же ничего не знаешь. – Она всплеснула руками. – Или знаешь?

Муж ничего не знал. Она торопливо, не пускаясь в подробности, рассказала ему все. Но процесс уже не волновал ее, казался чем-то давно минувшим, неважным. Ей хотелось говорить совсем о другом – о том, как она ждала его, искала по всей Москве, как верила, что он вернется, и как потом постепенно теряла эту веру...

А он постоянно перебивал, возвращая Ольгу к рассказу о суде. Когда Виталий узнал, что жена подписала мировое соглашение и пошла на все условия Ирины, он только развел руками:

– Да как ты могла! Какая глупость!

– Я знаю, что глупость, но ведь она бы от меня не отстала!

– Где же ты взяла деньги?

Ольга хотела ответить и запнулась. Только теперь она осознала, что в приоткрытой двери соседней комнаты отлично видна двуспальная кровать, застеленная на двоих. Смятые подушки, мужская рубашка на спинке стула, валяющийся на полу кожаный ремень – утром Илья поменял его на другой, более светлый.

Виталий тоже смотрел туда. Он пока ни о чем не спросил, даже не намекнул. Но Ольга понимала – поскольку он зашел в квартиру первым, то сразу осмотрел все комнаты. Хотя бы для того, чтобы убедиться – насколько продвинулся ремонт в его отсутствие.

«Там стоит сумка с вещами Ильи, – мелькнуло у нее в голове. – Он вчера привез ее от Костика. А на сумке, боже мой, на сумке, в кармашке, под пластиковым экранчиком – имя и фамилия владельца. Специально, чтобы не потерялась в аэропортах».

Муж все еще молчал. Его молчание было красноречивее любого вопроса. Он ждал, когда она все расскажет сама. И Ольга решилась:

– Это Илья мне помог расплатиться. Представляешь, явился в суд – будто с неба упал... – Ее голос звучал почти виновато. – Да он и в самом деле упал с неба – только что прилетел из Германии. Помнишь – он уехал, еще до того, как ты пропал?

Виталий не ответил. Он по-прежнему не смотрел ей в глаза – а Ольге было так необходимо встретить его взгляд – пусть гневный, недоверчивый... Она продолжала:

– Он приехал всего на несколько дней, – тут женщина изрядно покривила душой. – А свою квартиру, оказывается, отдал друзьям с маленьким ребенком. Он попросил об одолжении...

– Пожить здесь? – перебил Виталий.

– Да. Как я могла отказать?

– Значит, он тут ночевал?

– Но что в этом такого? – смутилась Ольга. Еще никогда она не чувствовала себя до такой степени лживой и развратной. Она слышала свой голос и думала, что ни за что бы не поверила, будь она на месте Виталия. – Мы сами жили у него, он столько сделал для нас... Как я могла отказать в такой малости?

– Переспать с ним – это, по-твоему, малость? – холодно спросил Виталий. – Там, на постели – твоя одежда. Ты вчера раздевалась там.

Удар был болезненным и точным. Она даже не успела возразить. Хотела солгать, нагородить кучу оправданий... Но не могла произнести ни слова в свою защиту. Ольга закрыла глаза, как будто это могло защитить ее от объяснений.

– Клянусь, это случилось всего один раз, – прошептала она, когда молчание стало совсем гнетущим.

Скрипнули пружины дивана – он встал. Ей показалось, что сейчас он уйдет, на этот раз навсегда, и женщина вскочила, цепляясь за последнюю соломинку:

– Ты не веришь? А где же был ты сам? С кем? Почему не нашел времени даже позвонить?!

Он бросил через плечо:

– Сейчас у меня уже нет желания что-то объяснять.

– А оно было?

– Не тебе бы устраивать сцены ревности!

Но Ольга ощутила небывалую храбрость. Сейчас от ее чувства вины не осталось и следа – она с пылающими щеками ринулась в бой:

– Не мне? Ты должен был дать мне хоть какую-то надежду! Чтобы я знала, что ты жив, чтобы ждала, и не было этих сомнений! Да, я не железная, я сомневалась, я думала... Чего я только не думала! А после четырех месяцев молчания ты приходишь и упрекаешь меня за то, что я один раз оступилась!

И видя, что ее речь как будто производит впечатление, Ольга выложила последний козырь:

– Ты даже нашел время, чтобы позвонить Ирине! Почему, в таком случае, не позвонил сперва мне?!

Он резко обернулся:

– Что ты плетешь? Я не звонил никому! Я только что приехал!

– Откуда?

– Она сказала, что я ей звонил? – фыркнул Виталий. – Бред! После всего, что она устроила, у меня не было такого желания! Что она тебе сказала? Когда вы виделись?

Ольга растерялась.

– Вчера утром, – ответила она наконец. – Она подкараулила меня у подъезда и сказала, что ты звонил ей накануне, спрашивал о дочке... И просил ничего мне об этом не говорить.

– Ложь! – отрезал Виталий. – От начала и до конца. После развода я с ней не общался. Ни разу.

– Но зачем же она солгала? – воскликнула Ольга. – И как вовремя! Как будто знала, что ты объявился! Ведь ты вернулся почти тут же после ее звонка!

– Не знаю, зачем Ирка тебе наврала! – бросил Виталий. – И никогда не знал, зачем она выдумывает свои дикие истории! У этой дряни поразительное чутье! Может, она все-таки почувствовала, что я...

Он замолчал. Сделал несколько шагов, исчез в спальне и со стуком закрыл за собой дверь. Ольга оцепенела. Он никогда не уходил от нее в другую комнату. Прежде – никогда.

Она заставила себя подойти к закрытой двери. Ноги не слушались, коленные суставы были как будто свиты из мягких веревок. Женщина приоткрыла дверь. Виталий стоял у окна, спиной к ней, заложив руки за спину. Обернулся, смерил жену каким-то странным взглядом. Снова уставился в окно.

Начинало темнеть, а в комнате горел свет. «Что он там видит? – подумала Ольга. – Ничего. Он снова уйдет из дома или выгонит меня. Почему все так совпало, почему он не вернулся хотя бы днем раньше! Еще вчера утром я ждала его, как в самый первый день!» Она снова кривила душой, но не желала себе в этом признаваться.

– И долго это будет здесь стоять? – не оборачиваясь, произнес Виталий. Голос звучал как-то нехорошо. Спокойно и вместе с тем яростно. В нем чувствовалось подавленное напряжение.

– Что? – робко переспросила женщина.

– Его сумка!

Ольга поняла, схватила сумку Ильи, торопливо запихала туда все, что тот успел распаковать. Это не заняло много времени. Она задернула молнию, и Виталий обернулся на этот звук.

– Это все, или он расположился здесь с комфортом?

– Все, – подтвердила она. – Может, кое-что осталось в ванной... Я сейчас все соберу.

– Где он сам, кстати? – Его ярость то и дело прорывалась наружу, как будто язык пламени из окна загоревшегося дома. – Почему не пришел с тобой?

И тут она сама задала себе этот вопрос. Ольга была поражена, что еще может думать о ком-то, кроме себя и Виталия. И тем не менее этот вопрос не давал ей покоя. Почему? Еще утром Илья был в великолепном настроении, обсуждал планы на будущее и не собирался бросать свою новую подругу. А за какой-то час – за то время, пока она ждала его в ресторане, – все переменялось. Илья вернулся совсем другим человеком и заявил о разрыве отношений. И даже не обещал новой встречи. Не забрал свои вещи...

«Он знал». Это прозвучало в ее голове, как будто кто-то вдохнул ей в ухо эти два слова. «Он узнал».

– Ну так что? – Теперь Виталий говорил почти издевательски. Он пытался улыбаться, но эту улыбку Ольга хорошо знала. Улыбка означала, что хозяину совсем невесело и хочется с кем-то поссориться. В данном случае – с неверной женой.

– Что? – встрепенулась она.

«Он знал».

– Послушай, когда ты вернулся?

Виталий даже растерялся – настолько деловито она об этом спросила.

– Во сколько ты сюда пришел? – повторила Ольга. – Хотя бы эту тайну можешь открыть?

Виталий машинально сказал, что никакой тайны тут нет. Он пришел сюда около трех часов. Рабочие впустили его, а то пришлось бы ждать на лестнице.

– Разве у тебя нет ключей?

– Я их потерял.

– Значит, ты появился в три?

Ольга нахмурилась. В три часа они давно уже расстались с Ильей, и она бродила по улицам – потерянная, ошарашенная, голодная. Ее версия не оправдалась – Ольга предполагала, что Илья мог позвонить на квартиру, чтобы сделать очередные распоряжения мастерам, и случайно наткнуться на Виталия. Тогда бы это все объяснило. В том числе его беспричинную панику, странный взгляд и неожиданный разрыв отношений. «Но значит, он никак не мог наткнуться на Виталия... И все-таки – знал? В самом деле? Откуда Илья мог такое знать?»

– Кто знал, что ты вернулся? – спросила она. – Ты никому не звонил?

– Да никому, – в сердцах бросил он. – Ты все-таки принимаешь меня за дурака! Я прямо спрашиваю, почему твой любовник не явился сюда с тобой, а ты выясняешь, кому я звонил, когда я пришел! Не заговаривай мне зубы!

– Странно, – все также задумчиво, чуть отстраненно протянула она. Уколы больше не достигали ее. Ольга была всерьез озадачена. – Мне кажется, что Илья каким-то образом узнал о твоём возвращении. Еще утром между нами не было ни слова насчет того, чтобы расстаться...

Она сказала это, вовсе не думая о том, как странно звучат эти слова. Ни жалоба, ни хвастовство, даже не признание в неверности. Простая констатация факта. Просьба о помощи.

– А после полудня он вдруг сказал, что больше сюда не вернется, а за вещами заглянет как-нибудь попозже. Это «как-нибудь» звучало как «никогда».

– Какая жалость! – насмешливо протянул Виталий. И она подумала, что иногда он умел быть очень противным. Пока муж считался пропавшим, она вовсе не вспоминала о его недостатках. А теперь ей показалось, что их даже больше, чем прежде.

– Так знал он или нет? – спросила она. Вопрос адресовался не столько мужу, сколько себе самой. Но ответил на него Виталий.

– Знал или нет, он удачно выбрал момент, чтобы свалить, – раздраженно бросил он. – Надеюсь, он свое обещание сдержит и больше сюда не явится. Хорошо бы знать, куда отвезти сумку. А, ладно, заброшу к нему на квартиру. Жильцы ему передадут.

Ольга нерешительно покачала головой:

– Стоит ли так злиться? Во всем виновата я, со мной и разбирайся. А он... Очень мне помог.

– Да, он вообще идеал! – фыркнул Виталий и вырвал сумку из рук жены: – Так и будешь с ней стоять?

Он распахнул шкаф и бросил сумку на дно. А потом заявил, что дьявольски голоден, страшно устал, и если она немедленно его не накормит – он пойдет ужинать куда-нибудь еще.

Такого Ольга допустить не могла. Чтобы он ушел, едва вернувшись? Она отправилась на кухню и, преодолевая усталость, попыталась приготовить более-менее праздничный ужин. Насколько позволяли скудные запасы продуктов, конечно. «Что бы я делала, если бы не Илья? Все покупал он. И уж конечно, в мыслях не держал, что покупает еду для Виталия!»

Мысли вернулись в прежнюю колею. Илья был хозяйственным человеком и, похоже, в самом деле собирался обосноваться в ее доме надолго. «Никак не меньше, чем на две недели, судя по сделанным запасам! – подумала Ольга, открывая банки с маринованными овощами, нарезаая кусочками курицу, заглядывая в кухонные шкафчики. – Чего он только не накупил! И вдруг... Что же произошло, если Виталий тут ни при чем? Мог он узнать о его возвращении стороной?»

– Надеюсь, ты известил своих родственников, что вернулся? – крикнула она, высунувшись в коридор. – Твоя сестра вся извелась!

– Как раз сейчас этим занимаюсь, – донеслось из комнаты. – Пытаюсь дозвониться.

– То есть? – Ольга ошеломленно заглянула в комнату. Виталий полулежал на диване и раз за разом набирал номер, негодуя на старый телефонный аппарат. – Ты хочешь сказать, что до сих пор никому не позвонил? У тебя же был целый день!

– Занято, – пробормотал он. – Или телефон сломался. Не учи меня жить, ладно? И скорее что-нибудь приготовь, я умираю от голода!

Она только покачала головой. «Этого я тоже не понимаю. Можно было спокойно дожидаться моего возвращения, тем более что он не знал, как меня найти, где я. Но не позвонить родне? И вообще, черт возьми, где он был?! – Ольга выругала себя – и от всего сердца. – Почему он увिलивает от ответа? Все время сворачивает куда-то в сторону, явно не желает об этом говорить. Но заговорить ему придется! Пусть называет меня как угодно, может, я того заслужила. Пусть даже поссорится с Ильей. Но ему не удастся так просто войти сюда, обуть домашние тапочки, потребовать ужин, ванну и вечернюю газету. Сперва придется кое-что объяснить!»

Однако ужин она все-таки приготовила. Салат был недосолен, хлеб подсох, а жаркое слегка подгорело – Ольга забыла его помешать. Но Виталий ничего этого не замечал. Он жадно ел, и она впервые увидела на его лице удовлетворенное выражение. Как будто все проблемы наконец решились сами собой. Зато у нее не было никакого аппетита – и это после подобного дня...

«Сегодня я второй раз наблюдаю, как кто-то ест, и не могу проглотить ни кусочка, – она вспомнила Камиллу. – Так что же все-таки произошло с Ильей? Почему он так переменялся? И на нее тоже, между прочим, сорвался. А собственно, за что? Всего-навсего за навязчивость. Но разве он прежде не знал ее характера?»

– Когда ты поужинаешь, я задам тебе один вопрос, – сказала она, наблюдая за тем, как муж ест.

Виталий искоса на нее взглянул:

– Догадываюсь какой. Незачем ждать, когда я закончу. Могу ответить прямо сейчас.

– Тогда отвечай. – Она напряженно улыбнулась, пытаясь держать себя в руках. – Может, для тебя это и пустяк, но для меня эти четыре месяца были кошмаром! Наверное, худшим временем в моей жизни.

– Исключая прошлую ночь, наверное, – снова уколол он, но Ольга и глазом не моргнула.

– Это случилось двадцать второго февраля, – терпеливо продолжала она, твердо решив не отвечать на его выпады. Не дать ему возможности вывернуться. – Как раз накануне праздника.

«Никакой это не праздник, – часто говорил Виталий. – Я никогда не служил в армии – не взяли по здоровью».

– Ты ушел на работу, как всегда. А вечером не вернулся. И с тех пор я сделала все, чтобы тебя найти. Но так и не нашла. А ты ни разу не позвонил.

Он молча крутил вилку, рассматривая ее с таким видом, будто ожидал, что на зубьях сама собой появится какая-то еда. Тарелка была уже пуста.

– И теперь я жду объяснений, – твердо сказала Ольга. – Я помогла тебе начать, но что было дальше – должен рассказать ты.

– Не так уж долго меня не было, – буркнул он наконец.

– Для того, кто ждет – долго. Если тебе было наплевать на меня, то подумал бы о родне! Кое-кто из твоих родственников в самом деле переживал. Остальные, может, отнеслись к этому не так серьезно, но вот твоя сестра...

– Она знала, где я, – неожиданно сказал Виталий. И посмотрел на нее – почти с вызовом.

А Ольга онемела. Весь боевой настрой мгновенно исчез. Она не понимала, в самом ли деле прозвучали эти слова или ей показалось. Знала? Она знала? Ольга повторяла эту фразу как заклинание, пытаясь понять ее смысл. И вдруг поняла все.

Когда она впала в панику – через несколько дней после его исчезновения, – старшая сестра Виталия просиживала с ней почти круглые сутки. Маша даже взяла на работе отпуск за свой счет. Она так тяжело переживала случившееся, что Ольге несколько раз приходилось вызывать «скорую», чтобы сделать укол. Сердечные приступы следовали у ее золовки один за другим, и Ольга всерьез опасалась, что дело кончится скверно. У Маши всегда было слабое здоровье.

И вдруг, вернувшись домой из лицея, Ольга нашла на кухонном столе записку от Маши. Та сдержанно писала, что решила снова выйти на работу, вернуться домой. Просила звонить. Они в самом деле часто перезванивались только для того, чтобы сообщить другу другу неутешительные новости. Но странное дело – больше ни разу не виделись. Ольга часто приглашала родственницу к себе, но Маша каждый раз отклоняла приглашения. Под разными предлогами – нет времени, нет сил, нет смысла... Последнее вслух не произносилось, но подразумевалось. Что может измениться от того, что две женщины проплачут целую ночь на кухне?

А голос Маши по телефону звучал совсем не так, как во время их первых ночных бдений. Она говорила почти спокойно. Ольга объясняла это тем, что нервное перенапряжение обернулось вот таким странным образом – Маша казалась слегка замороженной. Она вяло поддерживала разговор, и казалось, потеряла всякий интерес к поискам брата. Наконец звонки почти прекратились. Ольга сказала себе, что не в состоянии разговаривать с человеком, который засыпает на ходу, не слушая твоих слов.

– Значит, ей ты позвонил, – заторможенно повторила она.

– Я не мог не позвонить Маше, – мрачно ответил он. – У нее больное сердце, сама знаешь.

– И когда ты это сделал?

Выяснилось, что отъезд Маши и его звонок совпадали по времени. Все предположения подтвердились – та просто перестала беспокоиться о брате, получив от него весточку.

– Но почему ты сперва не известил меня? – чуть не плача, спросила она. Ольга смотрела в его непроницаемое лицо и не могла поверить, что он говорит правду. И так спокойно! – Конечно, я моложе и здоровее твоей сестры, но разве ты не подумал, что у меня тоже есть сердце!

Он покачал головой:

– Я думал об этом.

– Врешь!

– Оля, успокойся... Знаю, я поступил как последняя сволочь, но я не мог тебе позвонить...

– А Маша известила твою остальную родню, верно? – уже закипая от ярости, продолжала женщина. – И когда я обзванивала их, спрашивала о тебе, они надо мной смеялись?

Он поразил ее вторично. Выяснилось, что он взял с сестры обещание, что та никому ничего не расскажет. Его звонок должен был остаться тайной. Для всех – кроме горячо любимой, единственной сестры.

Ольга только развела руками – она была так потрясена, что у нее не нашлось слов.

– Ты сумасшедший, – сказала она наконец. – Где же ты был?

– Маша знает, – он встал из-за стола. Глаза у него были усталые, он сразу погас, сделался будто ниже ростом, уже в плечах. – Если хочешь узнать – позвони ей.

– Но почему ты сам...

– Я просто не могу этого выговорить, – неожиданно резко ответил он. – А ей будет намного проще это сказать. Если ты действительно хочешь что-то узнать.

С этими словами он заперся в ванной.

Ольга в замешательстве постояла у двери, слушая шум льющейся воды. Ванну он принимать не мог – вода шла только холодная. Тогда зачем открыл кран? Скорее всего, сидел на бортике ванны, смотрел на бегущую струю и ждал, когда жена позвонит Маше, как он посоветовал. А потом? Потом, вероятно, он все-таки выйдет. Что ей предстоит узнать?

Женщина медленно прошла в комнату, набрала знакомый номер – по памяти, не прибегая к записной книжке. Взглянула на часы. Поздно, конечно, но на этот раз ей абсолютно все равно, разбудит она золовку с семьей или нет.

Она их разбудила – у Маши в доме всегда ложились рано. Голос, раздавшийся в трубке, был заспанный и раздраженный:

– Слушаю!

– Маша, у меня к тебе только один вопрос, – сказала Ольга, отмечая про себя, что в ванной выключили воду. Виталий, наверное, прислушивается. – Где он был все это время?

После паузы Маша попросила объяснений. О чем речь? И тут Ольга не выдержала. Она давала себе слово, что будет говорить очень спокойно. Не позволит себе сорваться на крик, не унижится перед женщиной, которая предпочла видеть, как она корчится от страха и тревоги, чем выдать своего любимого брата.

– Ты знала все с самого начала и даже не намекнула, что он жив! – крикнула она в трубку. – Спасибо! Я считала тебя человеком!

– Он вернулся? – забеспокоилась та. Сонливость исчезла из ее голоса, появилась явная тревога. – Витя у тебя? Дай ему трубку!

– Он в ванной. И он велел позвонить тебе, чтобы ты сама мне все рассказала. Он, видите ли, почему-то стесняется.

Снова пауза. Ольга почти видела, как ее собеседница лихорадочно кусает губы, пытаясь как-то выкрутиться. Была у Маши такая привычка. На нижней губе у нее постоянно красовались две темные отметины – след зубов.

Ольга решила, что больше ни за что не сорвется на крик. Если такое произойдет, она просто повесит трубку. Если начнешь кричать, ничего не добьешься. «Вся его семья такова! – в отчаянии подумала она. – Улитки. Как они похожи на улиток – и брат, и сестра! Стоит показаться опасности – они сразу втягивают рожки и прячутся в раковинку. И никаким способом не выманишь их оттуда. Он заперся в ванной, а она замолчала».

– Скажи, – ее голос прозвучал хрипло, но тихо. – Скажи, где он пропал. Он сам попросил тебя об этом.

– Ты не могла бы дать ему трубку?

– Нет. Боюсь, что он вообще не выйдет из ванной, если ты не объяснишь мне...

– Ну хорошо, – Мария очень волновалась – в трубке было слышно ее частое, будто загнанное дыхание. – Не знаю, правда, зачем он взвалил это на меня...

Как всегда, ушел в сторону! Разве я обязана сообщать такие вещи?

– Какие, Маша?

– Он был у женщины, – с трудом выговорила та. – У другой... Не у Ирины. Это все, что он мне тогда сказал.

Теперь обе молчали. Ольге послышался какой-то шорох в ванной комнате. Наверное, Виталий обо всем догадался по наступившей тишине.

– У женщины, но не у Ирины, – автоматически повторила Ольга. – Я правильно поняла?

– Да. Он так сказал.

– Кто она?

– Не знаю. Я сказала все, – в голосе послышалась мольба. – Ты же понимаешь, что я не могла тебе передать такое. Он мог даже не просить об этом! Я попыталась его уговорить, чтобы он не вел себя так безобразно, но тогда он просто повесил трубку. И не звонил целый месяц, почти до апреля.

– Он звонил несколько раз?

– Три раза, – моментально ответила Маша. – В конце февраля, в конце марта и потом еще в мае. И каждый раз говорил одно и то же – что скоро вернется, что запутался в своих чувствах.

Последние слова она произнесла так, будто просила прощения за брата. Ольга поймала себя на том, что тоже кусает губу, повторяя дурную привычку Маши. Она невольно улыбнулась, и это ее поразило. Она, значит, еще может улыбаться? Услышанное не напугало ее, кажется, даже не слишком удивило. Она уже ждала чего-то в этом роде. Неужели ждала?

– Попробуй его простить, – попросила Маша, нарушая паузу. – Попробуй... Мужчины, они иногда...

Ольга положила трубку и задумчиво посмотрела на телефон. Хотела она знать то, что узнала теперь? Ее предупреждали. Она знала, что рискует, добиваясь правды. Виталий так и сказал.

В коридоре зазвучали шаги, Виталий вошел в комнату. Ольга пожала плечами, едва встретив его взгляд:

– Какой же ты гад, однако.

Она по-прежнему говорила спокойно. Достигнув этой способности один раз, она ее прочно освоила. Просто не волноваться, не плакать, не жаловаться. Илье бы это понравилось. Или нет? Он ведь не любит железных леди.

– Ну, знаешь ли, мы квиты, – ответил он, не глядя ей в глаза. – Давай ложиться, я смертельно устал.

– Ты хочешь развестись? – спросила она. – Давай, я готова.

– Я об этом не говорил.

– Но ты прожил с какой-то женщиной четыре месяца и за это время даже ни разу не позвонил. Я не сержусь, что ты был с ней. – Она с удивлением поняла, что не лжет. – Я сержусь только, что ты так отнесся ко мне. Ты же понимал, что я могла вообразить... Как переживала...

А что в итоге? Гора родила мышь. Так мучиться, так ждать... И в итоге обнаружить, что у тебя просто не хватило мужества признаться в маленьком грешке.

– Повторяю, мы квиты, – повторил он. Виталий уже начинал перестилать постель. Он снял и бросил в угол совсем еще чистые простыни. Ольга отметила это – с его стороны такой заботы о чистых простынях никогда раньше не отмечалось. Не потому ли, что теперь на них спал Илья? «Как будто дело в простынях!»

– Ты как будто дожидался, когда я не выдержу, сломаюсь, пойду по твоему пути. – Она говорила это, доставая из шкафа чистое белье. Ее почти забавляло, как буднично они занялись делом. Обычный вечер, небольшая супружеская размолвка. – И тут же объявился. Странно, ты так удачно выбрал время! Невозможно поверить, что это простое совпадение!

– Но это так, – он разгладил последнюю складку на простыне и выпрямился. Глаза у него закрывались сами собой. – Оля, у меня есть предложение. Давай ляжем спать, а завтра начнем все сначала.

– Что именно?

– Все. Нашу жизнь. Я забуду об Илье, ты – о том, что я натворил. Я готов признать, что моя вина больше твоей. Признаю, что угодно. Но пойми, если мы не забудем эту историю, нам придется расстаться.

«Я только хочу сказать, что хорошие браки распадаются с такой же скоростью, как и скверные», – услышала она голос Ильи. А потом – голос своей матери. Та повторяла фразу, которую Ольга часто слышала от нее с самого раннего детства. «Каждый день случается что-то хорошее и что-то плохое. Нужно только уметь отличать одно от другого».

Эта фраза въелась в ее память как некая аксиома, но Ольга никогда особенно не задумывалась над ее смыслом. Казалось, он лежит на поверхности, но только сейчас она поняла, что именно хотела сказать ее мама. Хорошее иногда кажется плохим, и наоборот. Если суметь различать эти вещи между собой, жизнь станет намного более сносной и простой.

Виталий, не дождавшись ее ответа, улегся в постель. Некоторое время он лежал с закрытыми глазами, потом попросил погасить свет. Ольга щелкнула выключателем и вышла на кухню.

Розовый халат висел на спинке стула. Она взяла рукав, слегка пожала его, будто здороваясь со старым другом. «Прошлой ночью я согрешила с Ильей. Кажется, так это называлось в старину. Хорошо это было или плохо? Потом он меня бросил. Может, это тоже к лучшему? Или все-таки нет? Вернулся Виталий, и это было хорошо... До тех пор, пока я не узнала всей правды. Кажется, этот день побил все рекорды по «хорошему и плохому». И мне никогда в этом не разобраться».

Глава 5

Она приняла трудное решение – ни о чем его больше не спрашивать. Виталий предлагал забыть – но это ей не подходило. Забыть и замолчать – это разные вещи.

И поэтому утром, когда Ольга готовила завтрак, Виталий заметно повеселел. Он то и дело поглядывал в ее сторону, будто дожидаясь неприятных вопросов. А не услышав ни одного, с упоением принялся поглощать омлет. Она поставила перед ним тарелку с добавкой, подвинула ближе пряники (купленные Ильей). А потом слегка нахмурилась.

– Странно, – заметила Ольга. – У тебя небывалый аппетит.

– Что тут странного? – ответил он. – Ты вкусно готовишь, вот и все.

Ей хотелось спросить, неужели его возлюбленная была настолько плохой хозяйкой, что жесткие пряники и банальный омлет вызывали такой восторг. Но Ольга сдержалась. «Если я опускаюсь до таких замечаний – значит, просто ревную. А разве я ревную? Совсем нет. Просто хотелось бы услышать человеческое объяснение. И не от Маши – от него самого».

А пока что они говорили совсем о другом.

– Ты идешь в лицей? – спрашивал Виталий. – Сколько у тебя уроков?

– Уроки у меня были в феврале, – отвечала она, не в силах удержаться от сарказма. – Сейчас июнь, занятия давно кончились.

Он как будто пропустил это мимо ушей. Стал говорить о своей работе. Оказалось, что место, которое он потерял вследствие своего исчезновения, было не таким уж желанным. Сейчас он нашел вариант намного лучше этого. Может приступить сегодня же, после полудня – ознакомиться с местом, освоиться. А уж всерьез начнет работать с завтрашнего дня.

Ольга даже не спросила, в чем будет заключаться его новая работа. Неожиданно она поняла, что это ей абсолютно все равно. И это ощущение ее напугало.

– Наверное, мне сегодня придется задержаться, – говорил он, роясь в шкафах и нервно отыскивая чистые рубашки, белье, брюки. Во время ремонта все вещи были свалены в кучу и перепутались. Виталий с раздражением двигал вешалки, срывал и бросал на пол зимние вещи.

Ольга спокойно следила за ним, как будто он рылся в чужих шкафах. Прежде она бы впала в депрессию из-за того, что не приготовила мужу чистую рубашку. Теперь ей было все равно. И это даже переставало ее пугать.

– Куда подевались мои светлые брюки? – раздраженно спросил он. – Ничего не найдешь!

– Ты ушел из дому зимой, если помнишь, – ответила женщина. – Тогда светлые брюки были не очень-то в ходу. Но я поищу. Помоги мне достать пакеты с антресолей.

Он молча послушался. Каждое упоминание о том, как долго он отсутствовал, делало Виталия более сговорчивым. И все-таки вид у него был почти довольный. Жена не перегибала палку, не требовала покаяния – все было сносно, за исключением легких уколов.

Она взобралась на верхнюю ступень стремянки и вытянула из пыльных недр антресолей несколько пакетов. Те с грузными шлепками повалились на пол – никто их не ловил. Виталий отмахивался от пыли и потихоньку чихал.

Ольга спустилась.

– К сколько тебе на работу?

– Хорошо бы выйти через час, – почти виновато ответил он.

– Хорошо. Успею кое-что погладить.

Она выгладила ему летние брюки, несколько рубашек – на выбор и про запас. Отыскала светлые носки. У нее были полезная привычка – не убирать вещи, прежде их не выстирав. Теперь им нужен был только горячий уют. Разглаживая через мокрую тряпку замявшуюся ткань, она снова подумала о том, до чего же странным было возвращение мужа. И странно было совсем не то, что он вернулся, и не причина, которой он все объяснил. Странно было, что

теперь он упорно пытался восстановить прежний уклад жизни, предварительно его разрушив. И при этом ожидал ее одобрения.

– Готово, – она разложила одежду на диване. – Мне тоже пора идти, так что до вечера.

– Куда ты идешь? Ты же сказала, что занятий больше нет?

Она обернулась, прижимая к груди легкое белое платье:

– До вечера. Ждать меня до следующего июня тебе не придется.

И снова Виталий пропустил ее слова мимо ушей. Или сделал вид, что пропустил. Он быстро переоделся, оставив на стуле плотные зимние брюки, в которых когда-то ушел из дома, свитер, голубую рубашку. Ольга мимоходом заметила, что никаких новых вещей у него не прибавилось. Никакого багажа тоже не было. Он вернулся таким же, как ушел. За исключением горького привкуса тайны, который остался у нее на языке, как будто она съела грейпфрут без сахара.

За ним закрылась дверь. Он ушел намного раньше, чем намеревался, обогнав жену. Ольга положила белое платье на постель. Оно лежало, раскинув короткие рукава, как призрак юной девушки. «Я попросту выставила его из дома, – подумала Ольга. – Стоит хотя бы намекнуть на то, что было, и он уходит в свою раковинку, как улитка. Даже не подумал о том, как вернется, ведь ключи он потерял, а другой экземпляр до сих пор у Ильи».

На полу все еще валялись пакеты с вещами. Один был распотрошен – оттуда достали вещи Виталия. Другие остались целы. В одном из них она хранила собственные вещи – в том числе розовый халат, который непонятным образом оказался в ее спальне. Она сразу опознала этот пакет – он отличался от других тем, что сбоку на черном пластике была дыра, и она собственными руками заклеила ее скотчем, чтобы внутрь не пробралась моль.

Скотчем были завязаны и устья мешков. В том числе и этого. Но... Борясь со слипшейся черной лентой, она нахмурилась. Что-то было не так. Она привыкла расправляться с мешками более просто. Этот никак не желал ей поддаваться.

Ольга сломала ноготь, ругнулась и оглядела остальные мешки, валявшиеся у ее ног, точно дрессированные тюлени. Когда-то она купила их в хозяйственном магазине, прельстившись их размерами и плотностью. На самом деле мешки предназначались для больших объемов мусора, потому и были сделаны из черного жесткого пластика. Но молодая хозяйка решила, что они как нельзя лучше подходят для хранения вещей.

– Не то, – пробормотала она. – Совсем не то.

Остальные мешки (счетом четыре) были залеплены прозрачным, довольно податливым скотчем. Она разрывала его одним движением руки. Этот же, пятый, был закрыт совсем иначе.

– Это сделала не я.

Ольга подняла с пола скрюченный обрывок черного скотча, срывая который и сломала себе ноготь. Таким пользовались строители, она хорошо это помнила. Рулончик этого скотча должен был лежать на лоджии. Она с закрытыми глазами смогла бы показать, где именно. И была уверена, что никогда не брала его в руки, даже не притрагивалась к нему.

Она осторожно раскрыла пакет, будто опасаясь, что оттуда может выползти змея. Вытряхнула вещи на пол. И еще раз убедилась в том, что когда-то очень хорошо рассортировала старые тряпки. От них исходил сладкий запах лаванды, и даже сквозь целлофан Ольга могла увидеть, что вещи превосходно сохранились.

«Их стоит выбросить, – неожиданно подумала она. – Это привычка девочки, выросшей без отца, на нищенскую мамину зарплату, – ничего не выкидывать, откладывать вещи на черный день, чтобы пережить, переделать. Я все это выброшу».

Розовый халат хранился где-то в недрах этого пакета. Пакета, к которому уже давно никто не прикасался, не считая самой Ольги. Она сходила на кухню, сгребла халат в охапку и глубоко вдохнула его запах. Пахло лавандой. Нет сомнений – его совсем недавно достали из мешка.

«Но что же это значит? – Она машинально опустила халат обратно в пакет. – Кто достал его оттуда? Когда?»

«Это случилось в тот день, когда я давала последний урок. Утром встретила с Ириной, а вечером халат уже ждал меня в спальне. Его мог достать Виталий. Что очень вероятно, так как он к этому времени уже околачивался где-то поблизости и хорошо знал, что я храню летние вещи на антресолях. А они ему были очень нужны. В такую жару разгуливать в теплых брюках – сущая пытка. И потом, появление этого халата должно было подготовить меня к чему-то необычному, к повороту в судьбе, напомнить о многом... – Она сама себя оборвала: – Поступок не в его стиле! Он бы просто оставил записку, если побывал тут. И потом – как он попал в квартиру в мое отсутствие? Виталий сказал, что потерял ключи. Рабочих в тот день не было. Уходя, я заперла дверь. Никто не мог сюда войти!»

– Илья мог, – произнесла она вслух. И сама испугалась звука собственного голоса. – К тому времени он уже присвоил себе ключи.

«Мне как-то не верится, что он может рыться в моих старых вещах, но факт остается фактом – это мог сделать только он».

Что из этого следовало – она не успела додумать. Ее мысли прервал телефонный звонок. Ольга взяла трубку и услышала незнакомый мужской голос. Это ее не насторожило – она привыкла слышать такие голоса. Мог звонить кто-то из приятелей Виталия – то ли за тем, чтобы узнать вести о старом друге, то ли из других побуждений. Некоторые из них все еще не оставили надежды снискать ее внимание.

Но этот голос был слишком официален для дружеского.

– Можно Владыкина Виталия Ивановича?

– А он только что ушел, – машинально сообщила Ольга. И тут же опомнилась: – Кто говорит? Нужно что-нибудь передать?

Голос запнулся. Он был не уверен в том, что ему стоит продолжать разговор. Ольга напряженно повторила вопрос. Про себя она твердила: «Он знает, что Виталий вернулся! Кто-то уже узнал! Кто?»

– С кем я разговариваю?

– Это его жена.

– В таком случае запишите телефон, пусть он сразу перезвонит, как вернется.

Она едва успела найти ручку – голос продиктовал московский номер и пропал – вместо него раздались частые гудки. Ольга раздраженно положила трубку – собеседник так и не представился.

Не успел он появиться, как ему тотчас начали звонить. Виталий как будто и не выпадал из прежней жизни. Это ее бесило, но она толком не понимала почему. То ли потому, что он перенес разлуку намного легче, чем она сама. То ли по другой причине... Он просто стал чужим, и когда его позвали к телефону, она испытала то, что чувствует любой человек, когда снимает трубку и обнаруживает, что абонент ошибся номером.

На самом деле торопиться ей было некуда. Сегодня у нее был только один урок, да и то в пять часов вечера. Ученица достаточно старательная, чтобы стоило с ней возиться. И достаточно бездарная, чтобы у Ольги каждый раз появлялось ощущение, что она напрасно берет деньги с ее родителей.

Она достала из шкафа старую записную книжку мужа, нашла телефон Костика. Набрала номер. «Если Илья поехал из аэропорта прямо к нему, есть шанс обнаружить его там».

Ей ответил мужской голос. Она не звонила по этому номеру так давно, что даже не узнала хозяина. Попросила Костю и услышала, что именно с ним имеет честь разговаривать.

– Это Ольга Владыкина, – представилась она. Новая фамилия все еще была ей слегка непривычна. Она выговаривала ее со смутным ощущением вины – как если бы донашивала платье за старой женой.

– Оля? Здравствуй, что...

– Илья не у тебя? – перебила она. В последние дни у нее появился этот талант – перебивать собеседника.

– Илья? – медленно проговорил он. – Почему он должен быть у меня?

– Ну, потому, что он...

Она не договорила. Собеседник тоже владел талантом перебивать.

– Я не видал его полгода, – сказал Костя. – Он что, вернулся из командировки?

Последовало еще несколько вопросов, на которые Ольга не смогла ответить. Она с трудом выбрала момент, чтобы извиниться за непростительную ошибку и повесить трубку. Голова шла кругом. Что-то было не так.

«Что-то! – издевательски сказала она себе. – Он всего-навсего мне солгал. Утверждал, что из аэропорта поехал прямо к Костику. Что узнал о моих приключениях от него. Назвал Костю – будто знал, что я давно с ним не общаюсь. Как будто был уверен, что у меня нет его телефона и я не смогу ничего проверить. Но телефон у меня был. Я никогда ничего не теряю».

Она пришла в ярость.

«Мне надоела ложь! Все подряд считают возможным мне лгать, а я выгляжу при этом абсолютной душой! Зачем все это нужно! Зачем они, будто сговорившись, обманывают меня!»

Она набрала номер Ильи – уже по памяти. Этот номер давно стал для нее якорем спасения – его набирали, если случалось что-то неприятное. Например, негде было переночевать, не хватало денег до зарплаты или выкидывала номер Ирина...

Трубку никто не поднимал. Ольга ждала до тех пор, пока не убедилась – никто не подойдет. Если верить Илье, то в его квартире временно проживала семейная пара, у которой недавно родился второй младенец. Значит, молодая мать ушла на прогулку с детьми. С другой стороны, часто ли она имела возможность гулять? Это слишком трудоемкое дело.

– Позвоню позже, – сказала себе Ольга. – Так или иначе, но я найду его, и ему придется кое-что объяснить.

Она была уверена – он расстался с ней не случайно. Сошелся – да, возможно. Еще ничего не зная о возвращении друга, он мог позволить себе такой шаг. Но уйти Илья мог только в одном случае – если точно знал, что Виталий вернулся домой.

Рабочие так и не появились. Уходя на урок, Ольга подумала, что им, вероятно, требуется ежедневный контроль. Когда этим занялся Илья, все пошло как по маслу. Теперь они снова расслабились.

Поправляя узловатые, непослушные пальцы ученицы, она продолжала думать о своем.

– До, ре-бемоль, до, – твердили ее губы. Мысли были далеко.

Девочка трясла над клавишами белокурыми локонами и старательно выполняла указания учительницы. Она даже язык от усердия высунула – ей очень хотелось научиться играть. Очень – в отличие от других, более способных детей. Ольга мельком подумала, что это ужасно. Почему желания и возможности никогда не совпадают? Эта девочка была бы счастлива, будь она в состоянии сыграть маленькую фугу Баха. Ту, которую играют у Ольги ученицы второго класса. А между тем двенадцатилетний, очень старательный ребенок едва освоил основы арпеджио.

– Ты слышишь меня, Леночка? – обращалась она к ней. – Ре-бемоль. Ре.

– Да, – чуть не плача, отвечала та. И ее негнувшиеся, деревянные пальцы тщетно искали нужную клавишу. Касались ее – робко, слабо и тут же падали на клавиатуру. Слышалась жалкая какофония или слабое подобие мелодии. «Несчастный ребенок» – так называла ее про себя Ольга. Деньги, которые платят ее родители, пропадают впустую. Но ужас вовсе не в этом. Главное несчастье, что ни они, ни Леночка не могут принять тот факт, что девочка абсолютно непригодна для занятий музыкой.

«Возможно, я научу ее исполнять две-три простые сонаты, – думала Ольга, устало переворачивая страницы. – Научу этому, как учат говорить попугая – бессмысленно, автоматически. Она просто затвердит сочетания нот и аккордов, как могла бы выучить несколько страниц текста на незнакомом языке, не понимая их смысла, не зная самого языка. На этом мы и расстанемся. Чем я занимаюсь, боже мой? Кого обманываю? Только не себя».

Мучительный урок был окончен. Леночка поднялась с вертящегося табурета и глубоко, грациозно поклонилась учительнице. «Пожалуй, это единственное, что я научила ее делать как следует, – подумала Ольга. – Красиво кланяться – это она умеет. Возможно, это пригодится ей в жизни намного больше всего остального».

Встретив в коридоре хозяйку, она попросила разрешения сделать звонок. Та любезно разрешила. Это была привлекательная, очень ухоженная женщина с обыденными чертами лица, при взгляде на которую невольно возникал вопрос – как бы она выглядела без тех косметических ухищрений, которыми пользовалась? Во всяком случае, Ольга часто пыталась представить это лицо без косметики, волосы – без краски, а тело – без посещений солярия и массажа. Она говорила себе, что это нехорошо и слишком смахивает на зависть... Но тем не менее иногда говорила себе: «Будь у меня столько денег, я бы тоже стала красавицей».

На этот раз ей ответили. В трубке раздался молодой, утомленный женский голос. На заднем плане Ольга различила детский плач, но, возможно, это были просто помехи на линии. Она спросила, нельзя ли что-нибудь узнать об Илье?

– А он здесь не живет.

– Разве он не появлялся в последние дни?

– Так Илья вернулся?

«Похоже, все сговорились твердить одно и то же!» – с раздражением подумала Ольга.

Она осведомилась, с кем говорит. Услышала ту же историю, которую поведал ей Илья. Он в самом деле пустил в свою квартиру жильцов, причем совершенно бескорыстно. Молодая мать встревожилась – ей не понравились настойчивые расспросы. Ольга с трудом с ней распрощалась, даже не придумывая повода для своего звонка. Теперь ей было ясно – о приезде Ильи никто не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.